

УЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

3
1972

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ун олтинчи йил нашири

3
1972

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания шестнадцатый

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР А. М. АМИНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР К. Н. БЕДРИНЦЕВ, член-корр. АН УзССР О. Б. ДЖАМАЛОВ, член-корр. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, член-корр. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, доктор ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, доктор экон. наук И. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. редактора*), доктор филол. наук Х. С. СУЛЕЙМАНОВ, канд. ист. наук А. А. АСКАРОВ, канд. ист. наук М. А. АХУНОВА, канд. филос. наук М. Б. БАРАТОВ, канд. филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ (*зам. редактора*), Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

Редактор *И. Маркман*
Техн. редактор *М. Сукареева*

Р03318. Сдано в набор 23/11-72 г. Подписано к печати 20/11-72 г. Формат 70×108^{1/16}. Бум. тип. № 2. 1,87 бум. л., 5,25 печ. Уч.-изд. л. 6,0. Изд. № 95. Тираж 1668. Цена 40 к.

Типография Издательства «Фан» УзССР, г. Ташкент, ул. Черданцева, 21. Заказ 46.
Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

И. ХАШИМОВ

РОЛЬ УЗБЕКИСТАНА В СОТРУДНИЧЕСТВЕ СССР С РАЗВИВАЮЩИМИСЯ СТРАНАМИ

С самого начала своего возникновения Советский Союз выступает мощным оплотом прогресса, прочной опорой народов, борющихся за свою независимость, национальное и социальное освобождение. Эта роль СССР еще более усиливается на современном этапе, когда неуклонно возрастающая в ходе строительства коммунизма мощь Советского Союза открывает все более широкие возможности экономической, научно-технической помощи развивающимся странам.

«Политическое и экономическое сотрудничество СССР с освободившимися странами,— говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС,— получило за эти годы дальнейшее развитие. Растет наша торговля с ними. С нашим участием во многих государствах Азии и Африки построены десятки промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Мы вносим вклад и в дело подготовки кадров для этих стран. И все это делается в обоюдных интересах»¹.

За последнее время Советский Союз оказывал содействие в сооружении свыше 700 промышленных предприятий и других объектов в странах «третьего мира». Из них 340 уже построены и успешно эксплуатируются².

Так, в Индии при содействии нашей страны созданы и создаются более 65 крупных промышленных предприятий, сельскохозяйственных ферм и учебных заведений, из которых около 40 уже введены в эксплуатацию³. Арабской Республике Египет СССР помогает в проектировании, строительстве и монтаже 100 промышленных предприятий и других объектов, из которых около 80 вступили в строй. В Алжире с помощью Советского Союза создается примерно 80 промышленных предприятий и других объектов, из них 19 уже действуют. В Гвинейской Республике при техническом содействии нашей страны сооружается 47 объектов, из которых построены и введены в эксплуатацию 30, и т. д.

Важнейшее направление экономического и технического сотрудничества СССР с развивающимися странами — оказание им помощи в развитии национальной промышленности. На эту отрасль приходится почти 70%, на геолого-разведочные работы — 10%, на транспорт и связь — 10% всего объема экономического и технического содействия СССР развивающимся странам.

Среди построенных и сооружаемых при содействии СССР объектов — 55 машиностроительных и металлообрабатывающих заводов,

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 19.

² Внешняя торговля, 1971, № 3, стр. 15.

³ Правда, 26 сентября 1971 г.

30 комбинатов, заводов и цехов черной и цветной металлургии, 31 крупная электростанция, 57 предприятий легкой и пищевой промышленности и т. д.

В настоящее время СССР оказывает экономическое и техническое содействие развивающимся странам в сооружении более 150 объектов в области сельского хозяйства⁴.

Почти во всех штатах Индии строятся или уже построены различные промышленные предприятия, созданные совместными усилиями советских и индийских рабочих и инженеров. Достаточно назвать такие объекты, как металлургические заводы в Бхилаи и Бокаро, завод тяжелого машиностроения в Ранчи и Дурганпуре, завод тяжелого оборудования в Хардварде, угольные шахты и электростанции в Бхакре и Нейвели и многие другие.

Ученые капиталистических стран упорно утверждали, что в недрах Индии нет запасов нефти и газа. Советские же ученые выявили значительные месторождения этих видов горючего. Первый государственный нефтяной промысел в Анклешваре в 1966 г. достиг проектной мощности и дает ежегодно 3 млн. т нефтепродуктов. Созданные с помощью Советского Союза предприятия будут перерабатывать 6 млн. т нефти, т. е. дадут стране треть всех необходимых ей нефтепродуктов.

В общей сложности предприятия, построенные в Индии при экономическом содействии СССР, будут ежегодно производить около 7 млн. т стали (почти 50% ее даст Бхилайский металлургический завод), 100 тыс. т алюминия, 125 тыс. т металлургического, нефтебурового и другого тяжелого оборудования, большое количество точных приборов, медикаментов, хирургических инструментов и др. Новые предприятия и их продукция не только качественно меняют структуру экономики и облик страны, но и вносят существенный вклад в развитие Индии по пути экономической независимости и прогресса.

Продукция предприятий, созданных на основе советско-индийского сотрудничества, уже позволила Индии сэкономить около 10 млн. рупий в иностранной валюте. Один только Бхилайский завод дал стране свыше 18 млн. т чугуна, около 16 млн. т стали и 12 млн. т проката⁵.

Знаменитый Асуанский комплекс, ставший символом дружбы советского и египетского народов, вносит огромный вклад в развитие экономики АРЕ. Освоено 380 тыс. га новых земель, значительно увеличился сбор риса и других культур. Асуанская ГЭС мощностью 2100 тыс. квт закладывает прочные основы электрификации Египта.

Техническая помощь СССР Алжиру осуществляется в области черной и цветной металлургии, машиностроения, энергетической, нефтяной, пищевой промышленности и др.

При содействии Советского Союза в Гвинее введены в эксплуатацию консервный завод мощностью 5 млн. банок консервов в год, крупный холодильник в г. Конакри, лесопильный завод, гостиница, стадион на 25 тыс. мест, аэродром международного класса, радиостанция и др.

В Афганистане при участии советских специалистов разведаны месторождения природного газа, высококачественных железных, свинцовых и цинковых руд, угля, ляпис-лазури и другого минерального сырья. Увенчались успехом поиски нефти в Сирии. В Иране обнаружены крупные месторождения серы, фосфоритов и минерального сырья для производства стекла.

⁴ Внешняя торговля, 1971, № 3, стр. 16.

⁵ Международная жизнь, 1971, № 4, стр. 32.

Экономическое и техническое сотрудничество СССР с развивающимися странами осуществляется на взаимовыгодной основе, носит равноправный характер и отвечает национальным интересам народов развивающихся стран.

Важная составная часть общей программы сотрудничества СССР с развивающимися странами — подготовка национальных кадров.

В развивающиеся страны были командированы десятки тысяч советских специалистов, которые охотно делились знаниями и опытом с зарубежными коллегами. Только в Индию было командировано 8000 советских специалистов. В ходе строительства и эксплуатации новых предприятий они подготовили на месте свыше 200 тыс. квалифицированных рабочих и техников. Свыше 2000 индийских специалистов прошли производственно-техническое обучение на предприятиях Советского Союза. Тысячи студентов и аспирантов из развивающихся стран обучаются в советских высших учебных заведениях. Только в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы учится около 4 тыс. юношей и девушек из 84 стран мира.

В развивающихся странах при сотрудничестве СССР сооружается около 120 учебных заведений. Свыше 70 из них уже функционируют. Крупнейшие из них — Бомбейский технологический институт, Высший технический институт в Камбодже, Рангунский технологический институт, политехнический институт в Гвинее, институт в Бакр-Даре (Эфиопия), учебные центры в АРЕ, Ираке, Мали и других странах.

В настоящее время Советский Союз помогает Индии создать при высших учебных заведениях четыре факультета по подготовке инженеров — металлургов, геофизиков, специалистов по автоматике, вычислительной технике и самолетостроению. Аналогичная помощь оказывается и другим развивающимся странам.

В разветвлении экономического и научно-технического сотрудничества Советского Союза с развивающимися странами почетное место занимает Узбекская ССР.

Если еще полвека назад в Узбекистан ввозились даже гвозди, то сегодня наша республика, имеющая высокоразвитую многоотраслевую социалистическую индустрию, поставляет сложнейшие машины и оборудование для новостроек развивающихся стран Азии и Африки. Большим спросом в зарубежных странах пользуются хлопковые сеялки и культиваторы, канавокопатели, тракторы хлопковой модификации, мостовые краны, компрессорные станции, кабель различных марок, продукция химической промышленности, киноаппаратура и многое другое.

В восьмой пятилетке около 200 предприятий Узбекистана направляли свою продукцию в 90 стран мира⁶.

Завод «Ташкенткабель» отправляет свою продукцию в 28 зарубежных стран. Завод «Подъемник» выполняет заказы более 10 зарубежных стран. В Индию, Турцию, Иран отправляются подъемные краны мощностью до 10 т. Завод «Андижанирмаш» экспортирует свою продукцию в 18 стран мира — Афганистан, Сирию, Непал, Иран и др.⁷ Растет число покупателей продукции Ташкентского лакокрасочного завода. Среди них — Пакистан, Афганистан, Йемен, Сирия, Нигерия, Марокко⁸. Завод «Ташхимсельмаш» отправляет в Иран специальные машины для борьбы с саранчой и другими сельскохозяйственными вредителями.

С помощью узбекских специалистов в Гвинейской Республике организовано крупнейшее в мире рисоводческое хозяйство.

⁶ Правда Востока, 3 марта 1971 г.

⁷ Совет Узбекистана, 10 декабря 1971 г.

⁸ Ташкент оживил, 14 августа 1971 г.

На Бхилайском металлургическом комбинате работает холодильное оборудование, изготовленное заводом «Узбекхиммаш». Ташкентский электротехнический завод отправил в Бхилаи мощные выключатели герметического типа. При строительстве этого металлургического гиганта использовались изделия различных предприятий Ташкента, Самарканда, Андижана, Коканда, Чирчика и других городов Узбекистана. В настоящее время Индия покупает более 35 видов промышленной продукции нашей республики.

На текстильных фабриках АРЕ, Индии, Пакистана успешно эксплуатируются сотни прядильных и крутильных машин, изготовленных на заводе «Таштекстильмаш». В марте 1965 г. во время пребывания в Пакистане автор этих строк посетил в г. Карачи крупную текстильную фабрику, рабочие которой показали сотни ткацких машин, полученных из Ташкента, и с большим удовлетворением говорили об их высоком качестве. АРЕ, Судан, Тунис покупают наши ворохоочистители и подборщики хлопка. Сомали и другие африканские страны получают продукцию Ташкентского тракторного завода — тракторные прицепы, приспособленные для эксплуатации в жарком климате. Завод «Гидрометприбор» выполняет заказы 30 зарубежных стран, а Ташкентский экскаваторный завод — 23 стран мира.

Узбекская республика принимает все более активное участие в советско-афганском экономическом и научно-техническом сотрудничестве. Узбекские специалисты разработали технический проект крупнейшей стройки Афганистана — гидростанции близ Кабула. На новостройках нашего южного соседа работали и работают сотни инженеров, техников, рабочих Узбекистана. На строительстве Джалалабадского канала, трасса которого (длиной 70 км) прокладывалась в сложных условиях горной местности, все работы велись с помощью советской техники. В узле головных сооружений воздвигнута ГЭС мощностью 12 тыс. кВт. Вода в агрегаты подается по уникальному подъемному каналу. Это и другие сооружения построены при активном участии специалистов Узбекистана с использованием оборудования, специально изготовленного на предприятиях нашей республики.

Все больше растет спрос на мировом рынке на текстильные изделия Узбекистана. В 1971 г. Ташкентский текстильный комбинат досрочно выполнил заказы 12 стран мира. Например, в Афганистан было отправлено 150 тыс. м тканей, в том числе более 30 тыс. м высококачественного сатина⁹. Большим спросом пользуются узбекские ткани и в странах Африки. Марокко, Гвинея, Судан и другие страны африканского континента стали крупными покупателями изделий Ташкентского текстильного комбината. Только в 1971 г. Судан закупил около 500 тыс. м ткани «маль-маль». Художники комбината разрабатывают много новых рисунков по вкусам заказчиков из стран Африки.

Проектные и научно-исследовательские институты нашей республики принимают активное участие в сооружении многих объектов в развивающихся странах. Так, Ташкентский институт «Узгипролепром» спроектировал сооружение большого хлопкоочистительного завода в Сомали. Ташкентский институт «Средазгипроводхлопок» составлял проекты оросительных систем в АРЕ, Алжире и других странах Африки, а также Арабского Востока.

Геологи Узбекистана вели и ведут большую поисковую и разведывательную работу в Ираке, АРЕ, Гвинее, Мали, Индии, Афганистане, Пакистане и др. Специалисты из Узбекистана открыли в Алжире и пе-

⁹ Ташкент окшоми, 8 декабрь 1971 г.

редали в эксплуатацию новые уникальные месторождения ртути, свинцово-цинково-медных руд. В настоящее время на базе ртутных месторождений в Алжире строится горнометаллургический комбинат.

Медикаменты, выпускаемые Ташкентским фармацевтическим заводом, широко известны в странах Азии и Африки. Медики 20 зарубежных стран, в том числе Индии, Непала, Афганистана, Пакистана, Йемена, Гвинеи, лечат больных препаратами Ташкентского завода. Индия в течение многих лет покупает у нас ценный порошок рутин, необходимый для производства витаминизированных препаратов.

Укрепляются дружба и сотрудничество между учеными Узбекистана и развивающихся стран. В этих связях активно участвуют ученые Академии наук Узбекской ССР. Так, гостями Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР были известные ученые Индии — Мухаммад Ашраф, Рам Рахул, А. Р. Десай и многие другие. Гостивший у нас в июле 1971 г. известный индийский ученый, заведующий отделом социологии Бомбейского университета, профессор А. Р. Десай отметил: «Интересные труды моих узбекских коллег по индологии давно привлекают внимание индийских ученых. Будучи в Ташкенте, я смог убедиться в том, что исследования советских индологов ведутся на широкой научной основе, базируются на глубоком изучении уникальных документов и рукописей, собранных в богатой библиотеке Института востоковедения...

... Все это приводит к выводу о том, что наиболее тесные связи между индийскими и узбекскими учеными будут способствовать открытию новой страницы в изучении культуры средневековой и современной Индии, в сближении наших народов»¹⁰.

За один лишь 1971 г. в ИВ АН УзССР побывали ученые и общественные деятели более чем из 20 стран — Республики Гвинеи, Йеменской Арабской Республики, Кувейта, Афганистана и др.

В свою очередь, узбекские ученые не раз бывали в Индии и знакомли ее общественность с достижениями науки и культуры Советского Узбекистана. Например, Президент АН УзССР А. С. Садыков неоднократно выступал во многих университетах Индии с лекциями о достижениях химической науки в Узбекской республике. Профессора И. Хамрабаев, О. Джамалов, С. Азимджанова и другие рассказывали об успехах различных отраслей научной мысли в Узбекистане.

Более десяти научных сотрудников ИВ АН УзССР работали совместно с узбекскими техниками, инженерами, специалистами сельского хозяйства переводчиками на различных объектах, строящихся при содействии Советского Союза в Индии, Пакистане, Афганистане, АРЕ и других странах Азии и Африки.

В 1961 г. при ТашГУ был организован подготовительный факультет для студентов из зарубежных стран. За десять лет его окончили более 1200 студентов из 28 стран — Индии, Афганистана, Бирмы, Ганы, Сомали, Кении, Алжира, Мали, Камеруна и др. Окончив подготовительный факультет, иностранные студенты продолжают обучение в учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях Ташкента, Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Минска и других городов страны.

Так, выпускник подготовительного факультета Шарад Пендекар защитил в Ташкенте диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. Возвращаясь в Индию, он говорил: «Я полюбил Ташкент. Я вечно в долгу перед его людьми, потому что они создали

¹⁰ Правда Востока, 22 июля 1971 г.

мне все условия для успешной учебы. В Ташкенте я приобрел много друзей и никогда не забуду Ташкент»¹¹.

Таких примеров можно привести очень много. Они свидетельствуют о растущей роли Узбекистана в расширяющемся сотрудничестве СССР с развивающимися странами.

В Директивах XXIV съезда КПСС указывается на необходимость «продолжать развитие устойчивых внешнеэкономических и научно-технических связей с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки на условиях взаимной выгоды и в интересах укрепления их экономической независимости»¹². Это — яркое проявление проводимой КПСС политики интернационализма, братской дружбы и бескорыстной помощи народам, добившимся политической независимости и ведущим борьбу за достижение экономической самостоятельности и социального прогресса.

¹¹ Совет Узбекистана, 28 октября 1971 г.

¹² Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 294.

У. УМУРЗАКОВ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Воспроизводство рабочей силы представляет собой важную составную часть общего процесса воспроизводства. Как указывал В. И. Ленин, «первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся»¹.

Характер воспроизводства рабочей силы определяется способом производства и присущими ему специфическими экономическими законами. Но при любом общественном способе производства воспроизводство совокупной рабочей силы включает в себя восстановление и сохранение способности к труду работников, количественные и качественные изменения в составе рабочей силы, распределение ее по отраслям и сферам деятельности, обмен и потребление в процессе труда.

В нашей экономической литературе нет единого мнения о содержании процесса воспроизводства рабочей силы. Как правильно отмечает Т. Р. Зарихта, «одни сводят его только к подготовке и росту, другие — к подготовке и распределению, третьи — добавляют и использование рабочей силы»².

Мы согласны с точкой зрения Т. Р. Зарихта и А. Э. Котляра³, которые считают, что для раскрытия сущности процесса воспроизводства рабочей силы должна быть применена методология анализа воспроизводства общественного продукта. Как известно, К. Маркс в своих трудах говорил о производстве рабочей силы, ее распределении, обмене и потреблении⁴.

Производство, распределение, обмен и потребление общественного продукта — это прежде всего производство, распределение, обмен и потребление рабочей силы, ибо прежде чем производить продукт, необходимо обеспечить производство рабочей силы, без чего невозможно производство материальных благ.

Важнейшую и определяющую роль в воспроизводстве рабочей силы играет ее производство. «Рабочая сила, — писал К. Маркс, — существует только как способность живого индивидуума. Производство рабочей силы предполагает, следовательно, существование последнего. Раз существование индивидуума дано, производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивидуума, в поддержании его жизни. Для поддержания своей жизни живой индивидуум нуждается в известной сумме жизненных средств»⁵.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 359.

² Т. Р. Зарихта, И. Н. Назимов. Рациональное использование трудовых ресурсов молодежи, М., 1970, стр. 10—14.

³ А. Э. Котляр. Рабочая сила в СССР, М., 1967, стр. 7—15.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 709—726; т. 23, стр. 181—186.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 101.

За 1959—1970 гг. все население УзССР увеличилось на 44,8%, в трудоспособном возрасте — на 24,3% и численность занятых в народном хозяйстве — на 43,3%⁶.

Воспроизводство индивидуальной рабочей силы — это прежде всего проблема соотношения степени ее расходования и возмещения. Для нормального воспроизводства индивидуальной рабочей силы, т. е. полноценного восстановления способности к труду, необходимо, чтобы расходование рабочей силы не превышало определенного уровня.

Производство рабочей силы предполагает наличие следующих основных моментов:

а) производство индивидуальной рабочей силы, т. е. восстановление, сохранение и развитие способности к труду уже сложившихся работников;

б) производство новой рабочей силы, возмещающей естественную убыль и обеспечивающей прирост численности трудовых ресурсов;

в) производство квалифицированной рабочей силы, т. е. приобретение работниками необходимой квалификации и повышение ее на основе накопления опыта работы и различных форм обучения.

Производство при любой общественной формации, поскольку существует то или иное разделение труда, выступает как общественное производство, а труд — как деятельность общественного человека. Поэтому под рабочей силой понимаются не только индивидуальные способности к труду, но и совокупность способностей к труду общества в целом, т. е. всего трудоспособного населения.

Объем трудовых ресурсов определяется как естественными границами трудоспособности, так и социально-экономическими условиями. Возраст, в котором люди вступают в рабочий период, зависит, в конечном счете, от способа производства, присущего данному обществу.

В буржуазных государствах границы вступления в рабочий возраст практически, как правило, не существует. В отдельных капиталистических странах такой границей служит 12-летний возраст, а выбытие из рабочего возраста (т. е. установление пенсии) происходит в 70—80 лет. Столь широкие пределы рабочего возраста ведут к усилению эксплуатации трудящихся.

В нашей стране категория «трудовые ресурсы» включает трудоспособное население в трудоспособном возрасте: мужчин от 16 до 59 лет и женщин от 16 до 54 лет. В категорию «трудовые ресурсы» включаются также подростки 14—15 лет и лица пенсионного возраста, инвалиды, участвующие в общественном производстве.

Общественные отношения при социализме создают благоприятные условия для устойчивого роста населения, а, следовательно, и для расширенного воспроизводства трудовых ресурсов, которые характеризуются следующими основными чертами:

— всеобщей занятостью и рациональным использованием трудовых ресурсов;

— непрерывным ростом занятых в народном хозяйстве и увеличением числа обучающихся с отрывом от производства при уменьшении численности занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве;

— планомерным распределением трудовых ресурсов по районам, сферам и отраслям народного хозяйства;

— подготовкой и переподготовкой кадров.

Характер расширенного воспроизводства трудовых ресурсов при социализме обуславливает не только увеличение численности трудоспособных, но и рост занятости населения.

⁶ По данным ЦСУ УзССР.

Прогрессивный режим воспроизводства рабочей силы обеспечивается тогда, когда численность населения в возрасте до 15 лет превышает численность лиц старше трудоспособного возраста, т. е. численность вступающих в трудоспособный возраст должна превышать численность выбывающих из этого возраста.

Численность населения в возрасте до 15 лет в общем количестве населения СССР (по переписи 1970 г.) составила 30,9% против 30,4% в 1959 г., т. е. увеличилась всего на 0,5%, а по УзССР — соответственно 47,1 против 38,8%. Таким образом, в возрастной структуре населения республики процесс «омолаживания» шел гораздо быстрее, что благоприятно отразится на расширении производства трудовых ресурсов в дальнейшем.

Заключительная фаза собственно производства рабочей силы — качественное совершенствование трудовых ресурсов.

Технический прогресс при социализме изменяет содержание труда, создает благоприятные условия для всестороннего развития личности, роста квалифицированных кадров, прежде всего специалистов с высшим и средним специальным образованием. Только в 1971 г. в народное хозяйство страны направлено около 1,8 млн. специалистов, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения, причем по сравнению с 1970 г. число окончивших вузы и техникумы возросло более чем на 90 тыс., или на 6%. В целом по СССР к концу 1971 г. выше и среднее (полное и неполное) образование имело свыше 100 млн. человек⁷.

Вторая фаза процесса расширенного воспроизводства рабочей силы — распределение по сферам и отраслям общественного производства.

Распределение трудовых ресурсов и соответствующая ему структура занятости населения определяются характером общественного разделения труда. Разделение труда между материальным производством и непроизводственной сферой возникло в условиях эксплуататорского строя на основе противоположности физического и умственного труда. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «разделение труда становится действительным разделением труда лишь с того момента, когда появляется разделение труда материального и духовного»⁸.

В условиях капитализма рабочая сила распределяется по сферам и отраслям хозяйства и районам стихийно. Отсюда и нерациональное использование рабочей силы, большие потери рабочего времени.

Планирование полной и рациональной занятости в социалистическом обществе производится с учетом объективно складывающихся под регулирующим воздействием экономических законов социализма соотношений, пропорций в распределении трудовых ресурсов. Важнейшими пропорциями распределения трудовых ресурсов можно считать:

- 1) пропорции между численностью населения трудоспособного и нерабочего возраста;
- 2) между численностью занятых и незанятых общественно полезным трудом;
- 3) между численностью занятых в сферах общественного и личного труда;
- 4) между численностью занятых в сфере материального производства и в непроизводственной сфере;
- 5) внутриотраслевые пропорции (внутри производственной и непроизводственной сферы);

⁷ Правда, 23 января 1972 г.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 30.

б) районные пропорции, т. е. распределение рабочей силы между экономическими районами, подрайонами, между городом и селом и т. д. Следующий необходимый этап воспроизводства рабочей силы — обмен.

Некоторые экономисты полностью отрицают наличие фазы обмена в воспроизводстве рабочей силы в обществе, где она не является товаром⁹. В частности, И. Исхаков пишет: «Стадия обмена рабочей силы характерна для капиталистического способа, где рабочая сила становится объектом купли и продажи, т. е. имеет свойства товара. В условиях социалистического способа производства эта стадия исчезает, поскольку исчезает ее основа — рабочая сила перестает быть товаром»¹⁰.

С таким утверждением трудно согласиться, ибо оно базируется на ограничении процесса обмена только обменом результатами деятельности, т. е. товарами. Процесс обмена имеет более широкое содержание, включающее обмен способностями, результатами деятельности (как продуктами, так и товарами в зависимости от способа производства), который присущ любому обществу, где существует разделение труда.

При социализме меняется сущность фазы обмена рабочей силы. Обмен как момент воспроизводства рабочей силы в условиях социализма представляет собой отношение по поводу реализации способности к труду, складывающееся между собственниками — носителями рабочей силы и обществом в целом в лице социалистических предприятий.

В условиях капитализма обмен рабочей силы носит частный характер: между собственником средств производства и собственником рабочей силы. При социализме рабочая сила — это часть совокупного общественного труда, ибо в воспроизводстве у человека способности к труду участвует и общество (бесплатное образование, служба здравоохранения, денежная и материальная помощь многодетным семьям и др.). Значит, обмен рабочей силы при социализме носит общественный характер.

При капитализме обмен рабочей силы происходит под влиянием объективных экономических законов капитализма, т. е. в силу экономического принуждения. При социализме условием обмена рабочей силы, кроме экономических предпосылок (принцип: кто не работает — тот не ест), выступают и социальные предпосылки: право и обязанность трудиться.

К фазе обмена рабочей силы относится и обмен опытом, в котором кровно заинтересованы и сам работник, и коллектив данного предприятия, и общество в целом.

Итак, обмен способностями к труду выступает необходимым этапом воспроизводства рабочей силы. Этой точки зрения придерживаются и некоторые другие экономисты¹¹.

Последняя, заключительная фаза воспроизводства рабочей силы — ее потребление (использование). «Потребление рабочей силы — это сам труд», — указывал К. Маркс¹².

Содержание этой фазы определяется как расстановкой и продуктивностью отдельных работников на производстве, так и вообще заня-

⁹ См., напр., А. Э. Котляр. Рабочая сила в СССР, стр. 18—19; И. Исхаков. Вопросы использования трудовых ресурсов и подготовки рабочих кадров, канд. дисс., Ташкент, 1968, стр. 23.

¹⁰ И. Исхаков. Указ. дисс., стр. 23.

¹¹ Т. Р. Зарихта, И. Н. Назимов. Указ. соч., стр. 13—14.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 188.

тостью трудовых ресурсов в различных отраслях хозяйства и сферах деятельности.

В капиталистическом обществе, основанном на частной собственности на средства производства, безработица носит хронический характер. Всеобщая занятость населения присуща только социализму, создающему неограниченные возможности для рационального использования трудовых ресурсов.

Практическая реализация права на труд, предоставленного законом, обеспечена систематическим расширением производственного аппарата на прочной основе общественной собственности на средства производства.

Однако обеспечение полной занятости трудоспособного населения отнюдь не снижает значимости проблемы рационального использования трудовых ресурсов. Эта проблема при социализме существует потому, что, во-первых, размещение населения, а следовательно, и трудовых ресурсов, не везде одинаково; во-вторых, в некоторых экономических районах темпы развития народного хозяйства не соответствуют темпам роста трудовых ресурсов данного района.

Проблема эта связана со многими экономическими и социальными факторами, такими, как мобильность населения, процесс урбанизации, профессионально-квалификационный уровень трудовых ресурсов и др.

Для рационального использования трудовых ресурсов надо систематически совершенствовать отраслевую структуру занятости, поддерживать соответствие масштабов и структуры капиталовложений размерам естественного прироста трудоспособного населения и т. д.

Проблема рационального использования трудовых ресурсов имеет большое теоретическое и практическое значение. От правильного решения ее во многом зависят дальнейший подъем народного хозяйства и благосостояния трудящихся, общие успехи коммунистического строительства в нашей стране.

У. Умурзоқов

СОЦИАЛИЗМ ДАВРИДА ИШЧИ КУЧНИ ТАҚРОР ИШЛАБ ЧИҚАРИШНИНГ МЕТОДОЛОГИҚ МАСАЛАЛАРИ

Мақолада социализм даврида ишчи кучини тақрор ишлаб чиқаришнинг айрим назарий томонлари, унинг ишлаб чиқариш, тақсимот, алмашув ва истеъмол масалалари кўриб чиқилган.

М. БИРКИН

ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА
НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИЕЙ

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев указывал: «Уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут.

Не могут быть терпимы и нарушения прав личности, ущемление достоинства граждан»¹.

Эти положения еще раз напоминают о том, что деятельность должностных лиц, в том числе работников органов суда, должна строго соответствовать указаниям закона. Именно с этой точки зрения и следует рассматривать деятельность судов всех инстанций, в том числе надзорной. Здесь мы остановимся на вопросе о пределах рассмотрения гражданского дела надзорной инстанцией.

Многие аспекты этого вопроса требуют еще детального изучения и теоретических разработок. Так, в соответствии со ст. 356 ГПК УзССР, суд не связан доводами протеста и обязан проверить дело в полном объеме. При рассмотрении дела в порядке надзора суд по имеющимся в деле и дополнительно представленным материалам проверяет законность и обоснованность решения, определения и постановления как в опротестованной, так и в неопротестованной части, а равно и в отношении лиц, не указанных в протесте. Это правило дословно воспроизведено в ГПК УзССР (и других союзных республик) из ч. 3 и 4 ст. 49 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Представляется, что надзорная инстанция обязана проверить дело в полном объеме во всех смыслах этого слова. Если опротестовываются мотивы решения или часть его, то надзорный орган должен проверить дело в полном объеме, т. е. в отношении всех лиц, на которых распространяется законная сила судебного решения, по всем вопросам, чтобы суду первой инстанции были даны исчерпывающие указания о том, что следует дополнительно проверить и какие процессуальные нарушения устранить.

Поскольку надзорная инстанция направляет работу нижестоящих судов, она должна быть примером строгого соблюдения всех требований закона, показывать образцы глубокого и всестороннего изучения дела и правильного направления судебной практики.

Указание закона на то, что суд надзорной инстанции не связан доводами протеста и обязан проверить дело в полном объеме, на наш взгляд, имеет принципиальное значение.

¹ Правда, 31 марта 1971 г.

ГПК УзССР 1927 г. не содержал такой регламентации и, следовательно, наличие ее в новом законе в известном смысле явилось итогом развития института пересмотра решений в порядке надзора в советском гражданском процессе и законодательным закреплением этого института. Практическое выполнение этих положений закона связано с рядом вопросов, в частности с вопросом об использовании надзорной инстанцией дополнительных материалов при рассмотрении дела по протесту.

Законодатель неслучайно внес указанные выше дополнения в закон, и их следует рассматривать как дальнейшее расширение процессуальных гарантий сторон и лиц, участвующих в деле, которые вправе рассчитывать на то, что представленные ими дополнительные материалы будут учтены при рассмотрении протеста.

Некоторые авторы² не уделяют должного внимания обязанностям и правам надзорных инстанций в использовании не только материалов, рассмотренных судом первой инстанции и имеющихся в деле, но и представленных дополнительно. П. Я. Трубников ставит возможность использования дополнительных материалов в зависимости от того, подтверждают они выводы суда первой инстанции или нет: «Если суд надзорной инстанции приходит к выводу, что фактические обстоятельства судом первой инстанции установлены полно и правильно и представленные дополнительные материалы это подтверждают, то он вправе в обоснование оставления решения без изменения либо вынесения нового решения или изменения решения сослаться, наряду с другими имеющимися в деле материалами, рассмотренными судом первой инстанции, также на дополнительные материалы. В случае же, когда дополнительные материалы колеблют правильность установления судом первой инстанции фактических обстоятельств (например, если свидетели, на показаниях которых основано решение, в письменных объяснениях утверждают, что они дали ложные показания), решение суда подлежит отмене»³.

Судебная практика знает случаи, когда возникает необходимость сослаться в постановлении надзорной инстанции на эти письменные объяснения свидетелей при вынесении нового решения, если присутствующие на заседании надзорной инстанции стороны признают ложность зафиксированных в протоколе показаний свидетелей и правильность представленных ими в надзорную инстанцию письменных объяснений по этому поводу.

Если при этом у надзорной инстанции сложится бесспорное убеждение в возможности вынесения нового решения с учетом дополнительных материалов, то почему ей не сделать этого? Разве ценность дополнительных материалов и их доказательственная сила зависят от того, подтверждают они выводы суда первой инстанции или нет? Доказательства в любом случае остаются доказательствами и должны повлечь за собой равные последствия.

Противники этой точки зрения ссылаются на то, что дополнительные материалы в надзорной инстанции процессуально не закрепляются и должным образом (с участием сторон) не проверяются. Однако возражения отпадут, если всем надзорным инстанциям будет предостав-

² П. Я. Трубников. Пересмотр в порядке судебного надзора решений, определений и постановлений в советском гражданском процессе, автореферат докт. дисс., М., 1969, стр. 26.

³ П. Я. Трубников. Надзорное производство по гражданским делам, М., 1967, стр. 99—100.

лено право вести такой же, как и в суде первой инстанции, протокол и фиксировать в нем показания участвующих в деле лиц.

В судебных заседаниях президиумов областных и краевых судов, Верховных судов автономных и союзных республик, а также на Пленумах Верховных судов СССР и союзных республик ведутся протоколы и, следовательно, есть возможность процессуально оформить дополнительные доказательства. Очевидно, такое же право следует предоставить и судебным коллегиям по гражданским делам Верховных судов союзных республик.

Мнение многих авторов о том, что в подобном случае надзорная инстанция превратится в апелляционную, присущую буржуазному процессу, неосновательно, ибо советскому процессу чуждо превращение надзорной инстанции в суд первой инстанции. Многолетняя же судебная практика подтверждает, что возможности надзорной инстанции используются судами еще далеко не в полной мере.

Кстати, и ранее многое считалось неприемлемым для кассационной и надзорной инстанций, а теперь закреплено в законе и с успехом применяется на практике (вызов сторон в надзорную инстанцию, направление лицам, участвующим в деле, протестов, использование дополнительных материалов и др.).

Предлагаемые нами дополнения и изменения закона в целях некоторого расширения прав надзорных и кассационных инстанций не превратят их в апелляционные, хотя и дополнят некоторыми признаками этого института.

При этом еще больше расширятся права и процессуальные гарантии сторон и лиц, участвующих в деле, будет достигнута большая процессуальная экономия, сократятся сроки рассмотрения дел, судебные расходы государства и сторон. Непременное условие таких дополнений — полная возможность всестороннего исследования дела и выяснения объективной истины по нему. Любое процессуальное упрощенчество недопустимо, если от этого страдают законность и обоснованность принимаемого судом решения. Иначе не стоило бы вносить изменения в закон об использовании надзорными инстанциями дополнительных материалов, ибо и ранее при возникновении сомнений в законности и обоснованности решения оно подлежало отмене, и дело направлялось на новое рассмотрение.

По нашему мнению, присутствие обеих сторон в кассационной и надзорной инстанциях, в том числе при проверке дополнительных материалов, дает полную возможность установить истину по делу и принять новое решение без нарушения их процессуальных прав. Если же истину и при этом установить не удалось, то дело, безусловно, нужно направить на новое рассмотрение.

Большое теоретическое и практическое значение имеет вопрос о том, вправе ли надзорные инстанции ссылаться в своем определении или постановлении на дополнительные материалы.

Если новые материалы вызывали у должностных лиц сомнения в законности или обоснованности решения, они, по нашему мнению, вправе ссылаться на них в протесте, а если при рассмотрении протеста надзорная инстанция по этим основаниям удовлетворила протест, то она вправе ссылаться на них в принимаемом постановлении. Нередко в надзорную инстанцию представляются дополнительные материалы, свидетельствующие о неправомерном применении первой инстанцией норм материального права, хотя обстоятельства дела установлены полно и правильно. Почему надзорная инстанция не может, руководствуясь этими материалами, вынести новое решение или прекратить дело?

Приведем характерный пример. При личном приеме граждан в Верховном суде УзССР была подана надзорная жалоба с дополнительными документами, свидетельствующими о том, что народный суд г. Хивы и Хорезмский областной суд приняли к производству и разрешили по существу дело о восстановлении на работе гр-ки С.— заведующей детскими яслями (садом). Мотивировалось это тем, что заведующая не пользуется правом найма и увольнения, хотя ее должность подпадает под перечень № 1, а споры о восстановлении таких лиц суду неподведомственны. Приняв надзорную жалобу, заместитель Председателя Верховного суда УзССР принес протест и направил его сторонам с извещением о времени рассмотрения дела судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда УзССР.

Получив копию протеста, истица С. прибыла на заседание судебной коллегии и пожелала участвовать в нем. В ее присутствии были исследованы дополнительные доказательства, и она признала, что заведующая детсадом действительно пользуется правом найма и увольнения работников, находящихся в ее подчинении, имеет самостоятельный счет в банке и распоряжается им по своему усмотрению. Приняв все это во внимание, коллегия прекратила дело производством за неподведомственностью таких споров суду.

Очевидно, что, хотя новые документы не подтвердили выводов суда первой инстанции, а опровергли их, коллегия обоснованно разрешила дело по существу, не направляя его на новое рассмотрение, ибо истица признала истинность фактов, доказываемых дополнительными материалами. При вынесении определения по делу коллегия сослалась на новые документы⁴.

Представляется, что, даже отменяя решение и направляя дело на новое рассмотрение, можно и нужно ссылаться на новые материалы, которые следует проверить при новом рассмотрении дела. Такие указания обязательны для суда первой инстанции.

Надзорная инстанция вправе рассматривать дело в полном объеме, если опротестованы лишь мотивы решения или только определение кассационной инстанции, а надзорная инстанция считает необходимым отменить и решение суда первой инстанции. Надзорная инстанция вправе также отменить судебные решения, если протест отклоняется, но она считает необходимым отменить решение по другим основаниям.

Например, по иску К. и Б. к В. о выселении и встречном иске о признании права пользования частью дома народный суд вынес решение о вселении К. и признании его права на часть дома. Ташкентский городской суд дело производством прекратил, поскольку спор шел о самовольной застройке, а о повороте исполнения решения ничего не указал.

В связи с этим В. обратился в суд с иском о повороте исполнения решения суда, но в приеме этого искового заявления было отказано. Заместитель прокурора УзССР просил отменить резолюцию народного судьи об отказе в приеме искового заявления о повороте исполнения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УзССР отклонила протест, поскольку резолюция судьи не является процессуальным документом, и материалы следовало направить судье для рассмотрения в соответствии с требованиями закона, а не опротестовывать в порядке надзора. Известно, что в порядке надзора могут быть опротестованы лишь решение суда первой инстанции, вошедшее в за-

⁴ Текущий архив Верховного суда УзССР, опр. № 624 от 8 декабря 1969 г. по иску С. к Хивинскому горОНО о восстановлении на работе.

конную силу, определение того же суда в предусмотренных законом случаях, определения кассационной и надзорной инстанций и постановления надзорных инстанций. Резолюция судьи процессуальным документом не является и опротестована быть не может.

Вместе с тем коллегия пришла к выводу, что городской суд необоснованно прекратил дело за неподведомственностью его суду в части выселения, ибо выселение из самовольных застроек есть спор о праве гражданском и подлежит рассмотрению в суде⁵. Поэтому коллегия отменила определение Ташгорсуда и дело в этой части направила на новое рассмотрение⁶.

Требует нормативного решения и вопрос о полномочиях надзорной инстанции в отношении дела, приложенного к опротестованному и связанного с ним, но не опротестованного. В литературе⁷ правильно указывалось, что судебноподзорный орган не вправе отменить решение по делу, приобщенному к рассматриваемому делу, если на решение не принесен протест.

Приведем следующий пример, Гр-ка И. обратилась с иском о взыскании с гр-на Р. алиментов на содержание дочери. Исковые требования были удовлетворены, хотя ответчик возражал и указывал, что он не является отцом дочери И.

В связи с этим Р. обратился с отдельным иском о признании недействительной актовой записи о его отцовстве. Суд отказал ему в этом. По жалобе Р. в Верховный суд УзССР были истребованы оба дела и решения по ним признаны необоснованными и подлежащими отмене. Хотя опротестовано было лишь решение о взыскании алиментов, судебная коллегия по гражданским делам отменила одним определением решения по обоим делам. Таким образом, было отменено и неопротестованное решение по второму делу. Представляется, что в данном случае слушание дел в коллегии следовало отложить и поставить вопрос об опротестовании решения по второму делу и объединении его с первым⁸.

Характерен и такой пример. Решением народного суда Октябрьского района г. Ташкента от 21 июля 1970 г. Л. была признана женой Х., а Ш.—лицом, находившимся на его иждивении. Определением судебной коллегии по гражданским делам Ташгорсуда от 18 августа 1970 г. решение нарсуда в части Л. было изменено и признан установленным факт нахождения ее в фактических брачных отношениях с Х. с 1937 по 1947 г., а в части Ш. решение отменено и дело прекращено производством за неподведомственностью суду.

Решением того же народного суда от 28 апреля 1970 г. были удовлетворены искивые требования Л. о вселении. Ташгорсуд оставил это решение без изменения. Председатель же Верховного суда УзССР внес один протест об отмене как решения об установлении юридических фактов по требованиям Л. и Ш., так и решения о вселении по иску Л. (а также обоих определений Ташгорсуда) с объединением обоих дел в одно производство и направлением на новое рассмотрение. Судебная коллегия по гражданским делам удовлетворила этот протест⁹.

Между тем в соответствии со ст. 351 ГПК УзССР следовало вносить протест по каждому делу и ставить вопрос об их объединении в

⁵ См. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по гражданским жилищным делам», ст. 18.

⁶ Текущий архив Верховного суда УзССР, опр. 7-к от 28 февраля 1970 г. по делу по иску К. и Б. к В.

⁷ П. Я. Трубинков. Надзорное производство по гражданским делам, стр. 76.

⁸ Текущий архив Верховного суда УзССР, опр. от 9 сентября 1968 г. по делу по иску И. к Р.

⁹ Там же, опр. № 470 от 19 октября 1970 г.

одно производство, ибо надзорная инстанция могла удовлетворить протест по одному делу и отклонить по другому либо не согласиться с необходимостью их объединения в одно производство. Лишь после объединения обоих дел можно было составить один судебный документ.

Так поступил, например, заместитель прокурора УзССР по делу по иску П. К. к Т. К. о выселении из квартиры. Нарсуд г. Янгиюля решением от 9 декабря 1969 г. удовлетворил этот иск, а Ташоблсуд 12 февраля 1970 г. оставил решение без изменения.

Позднее Ташкентское отделение Среднеазиатской железной дороги обратилось в народный суд с иском к П. К. об утрате им права на пользование жилой площадью. Одновременно с иском к П. К. о взыскании 112 руб. обратились О., Т. К. и А. К.

Нарсуд г. Янгиюля 14 мая 1970 г. удовлетворил иск железной дороги и частично, в сумме 50 руб., иск указанных лиц. Ташоблсуд определением от 25 июня 1970 г. оставил это решение без изменения.

Президиум того же суда 31 июля 1970 г. отменил решение и определение по последнему делу и прекратил его производством, ссылаясь на то, что по данному спору, о том же предмете и между теми же сторонами имеется неотмененное судебное решение.

Заместитель прокурора УзССР принес протест на предмет отмены всех решений по первому делу и направления его на новое рассмотрение и другой протест — об отмене всех судебных постановлений по второму делу и объединении его в одно производство с первым делом.

Судебная коллегия Верховного суда УзССР согласилась с доводами протестов, отменила все решения по обоим делам, объединила их в одно производство и направила на новое рассмотрение, поскольку железная дорога, будучи третьим лицом, не участвовала по первому делу и потому существенные обстоятельства остались невыясненными¹⁰.

Представляется, что один протест можно приносить лишь в случаях, когда первым решением суда признано право на иск, а в последующих решениях о том же предмете, между тем же сторонами и по тем же основаниям рассматриваются производные от первого решения по уточнению суммы выплат (по алиментным делам, о возмещении вреда и т. п.).

Так, гр-н С. предъявил иск к Управлению строительства дренажа № 2 треста «Дренажстрой» о возмещении вреда здоровью. Народный суд Джизакского района иск удовлетворил, частично взыскав с ответчика по 51 руб. ежемесячно, начиная с 5 июля 1965 г. Сырдарьинский производить с 24 сентября 1964 г., т. е. со дня причинения вреда. В последующем несколько судов рассмотрели повторные иски С. о продлении платежей после очередного переосвидетельствования состояния здоровья.

Заместитель Председателя Верховного суда УзССР все принятые решения опротестовал и поставил вопрос о направлении дела на новое рассмотрение, так как судом не выяснены существенные обстоятельства дела, без которых невозможно вынести правильное решение¹¹.

В данном случае внесение одного протеста по одному делу даже при наличии нескольких решений разных судов, по нашему мнению, оправданно, и судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УзССР обоснованно удовлетворила его.

¹⁰ Текущий архив Верховного суда УзССР, опр. № 20-305-70 от 2 ноября 1970 г.

¹¹ Там же, опр. № 515-д от 19 октября 1970 г.

Еще один пример. Гр-ка Н. обратилась в суд с иском к гр-ну Н. о разделе дома и вещей. Народный суд иск удовлетворил частично — произвел раздел имущества, а в отношении дома в иске отказал за необоснованностью исковых требований, хотя истица во время судебного заседания просила ее иск о разделе дома не рассматривать, поскольку она намеревается предъявить новый иск в связи с тем, что ответчик без ее ведома подарил дом сестре. Определением Ферганского областного суда это решение было отменено без изменений.

Заместитель Председателя Верховного суда УзССР внес протест об отмене решения в части отказа в иске о разделе дома и оставлении этой части иска без рассмотрения.

Позднее, когда Н. обратилась в суд с иском о частичном признании недействительным упомянутого договора дарения, народный суд отказал в приеме искового заявления, мотивируя тем, что по делу имеется неотмененное решение суда.

Заместитель Председателя Верховного суда УзССР внес протест на предмет отмены определения нарсуда об отказе в приеме искового заявления Н. и направления искового материала в тот же суд для рассмотрения по существу¹².

Поскольку первое дело не должно было и не будет приобщено ко второму, а по вопросу о признании договора дарения дома недействительным, в обоих делах должны были быть все процессуальные документы (протесты, определения), чтобы всем, кто будет с ними знакомиться, стало ясно, почему принято именно такое решение.

Мало изучен вопрос о правах и обязанностях надзорных инстанций в отношении дополнительных материалов, представленных сторонами и другими лицами, участвующими в деле, в обоснование возражения на протест или изложенных ими лично при рассмотрении протеста.

Должна ли надзорная инстанция давать ответ на доводы, изложенные сторонами и другими лицами, участвующими в деле, в своих возражениях на протест или в выступлениях при слушании дела в надзорной инстанции? По нашему мнению, она вправе и обязана обсудить все материалы, от кого бы они ни поступали, и дать по ним свое суждение.

Так, по делу по иску братьев П. К. и И. К. к Б. (о признании права собственности на дом и разделе его) в судебную коллегия Верховного суда УзССР был внесен протест заместителем прокурора республики, в котором ставился вопрос лишь об отмене решения и определения в части раздела дома. В части же отказа П. К. в признании права собственности на дом и И. К.— о признании брака с Б. недействительным протест не вносился.

Однако, получив копию протеста, П. К. и И. К. пришли на заседание судебной коллегии по гражданским делам со своими адвокатами и, предъявив полномочия, попросили допустить их к участию в деле и предоставить возможность выступить как по протесту, так и по существу решения.

Поскольку, согласно ст. 356 ГПК УзССР, суд не связан доводами протеста и обязан проверить дело (а не протест) в полном объеме, судебная коллегия выслушала доводы братьев К. и их представителей, хотя надзорной жалобы ими не подавалось, а прокурор отказал в принесении протеста в части их требований. При этом коллегия признала необходимым дать ответы на все вопросы, поскольку стороны участво-

¹² Текущий архив Верховного суда УзССР, опр. № 390 от 18 октября 1970 г.

вали в ее заседании и излагали как прежние доводы, так и новые, ссылаясь на дополнительные доказательства.

Характерно, что, возражая против доводов братьев К., истица Б. представила подлинные записи И. К., содержащие данные о расходах на строительство дома (которые она ранее не желала представлять суду, чтобы не компрометировать бывшего мужа, с которым рассчитывала восстановить супружеские отношения). На все вопросы были получены ответы, свидетельствующие о правильности записей, но зафиксировать это коллегия не могла, ибо протокол на заседаниях ее не ведется. По этой же причине коллегия не могла зафиксировать ходатайство Б. об изменении решения и определения судов в отношении обмена долями спорного домостроения.

Получив письменное согласие Б. на добровольную уступку И. К. подвала, санузла и водопровода, коллегия удовлетворила протест частично — изменила в этой части решение нарсуда и определение горсуда, не направляя дело на новое рассмотрение, хотя об этом говорилось в протесте¹³.

Коллегия вполне обоснованно занималась выяснением доводов жалоб братьев К., хотя на них не указывалось в принесенном протесте, иначе она не выполнила бы требований ст. 356 ГПК УзССР о проверке всего дела и в отношении всех лиц.

Поскольку ранее действовавшее законодательство не знало таких обязанностей надзорной инстанции, необходимо, исходя из требований практики, глубже изучить значение этой нормы для сторон и лиц, участвующих в деле, рассматривая ее как дальнейшее расширение прав и процессуальных гарантий в надзорной инстанции. Представляется, что и Пленум Верховного суда СССР должен дать руководящее указание по данному вопросу, определив порядок и пределы рассмотрения дела надзорной инстанцией и последствия нарушения этой нормы.

М. Биркин

НАЗОРАТ ИНСТАНЦИЯСИНИНГ ГРАЖДАН ИШЛАРИНИ КЎРИБ ЧИҚИШ ЧЕГАРАЛАРИ

Автор амалдаги қонулар негизда, махсус адабиётларни танқидий таҳлил этиш ва суд практикаси материаллари асосида назорат инстанцияси судларида гражданлар ишларини кўриб чиқиш чегараси масаласини ёритиб беради. Бунда назорат инстанцияси судларининг қонун талабларига қатъий амал қилиши, гражданлар ҳуқуқи ва қонуний манфаатларини ҳимоя этишига алоҳида аҳамият берилади.

¹³ Текущий архив Верховного суда УзССР, опр. №632 от 14 ноября 1968 г.

Н. ХОДЖАЕВА

О ЗНАКОВОМ ПОДХОДЕ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА

Психология рассматривает язык во взаимодействии с мышлением и речью как разновидностями психической деятельностью человека. Опираясь в основном на классическое определение языка как орудие мышления, средство накопления и передачи знаний, психология рассматривает язык в неразрывной диалектической связи с мышлением. Это не значит, однако, что язык и мышление отождествляются.

Мышление есть идеальное отражение объективного мира в голове человека, а язык — инструмент опосредованного отражения мира вещей психикой человека, особое орудие познания. Благодаря языку человек способен не только чувственно воспринимать окружающие его предметы, но и вскрывать те взаимоотношения, которые объективно существуют между ними.

Это, так сказать, общая исходная точка зрения в решении вопроса о психологической роли языка. Но ведь язык служит предметом изучения для многих научных дисциплин (общее языкознание, теория информации, кибернетика, математическая логика и др.). Естественно, что при таком многостороннем изучении языка вычлениются различные аспекты его и применяются разные методы. В наши дни широкое распространение получило представление о языке как одном из видов знаковых систем. В этом плане семиотика наряду с другими науками открывает перед психологией новые возможности при изучении языка. Рассматривая в основном виды знаков (буквы, слова, графические изображения, сигналы), а также закономерности их сочетаний в различных системах, семиотика вычлениет такой частный вопрос, как отношение знаков к человеку.

Именно здесь мы находим то положительное, что дала семиотика в разработке общих принципов и методов моделирования научных данных вообще, языковедческих в частности, а также в связи с новым освещением семиотикой сигнальной функции психики и сознания.

Та часть семиотики, которая посвящена анализу знаков — слов и соответствующих речевых ситуаций, несомненно, будет интересна психологам и может быть полезной при исследовании взаимоотношений языка и мышления. Тут можно согласиться с А. А. Ветровым, определяющим языковой знак как языковую смысловую единицу, производимую в целях коммуникации. Однако далее он утверждает, что, если языковая смысловая единица производится в других целях (например, как средство мыслительной деятельности во внутренней речи), то она не является языковым смысловым знаком, т.е. никого никуда не отправляет и потому не имеет никакого предметного содержания. Для психологии, как нам кажется, такое утверждение узко и неточно.

Здесь прежде всего надо учесть, что коммуникация, т. е. общение, есть процесс активный и понимается в психологии как процесс двусторонний, т. е. предполагает наличие по крайней мере двух активных коммуникантов. Кроме коммуникативных, в психологии выделяются еще отношения, возникающие в процессе обучения (имеется в виду также процесс речевого общения) и предполагающие наличие одного активного представителя, например, в лице лектора, и «пассивных» слушателей. Не приняв активного речевого участия в данном общении, слушатели тем не менее активно осмысливают воспринимаемую от лектора (учителя) информацию. Слушатель в любом случае отсылается к объективному содержанию излагаемого материала. Здесь усматривается не только активность механизмов восприятия речи, но и памяти, а также активность моторно-кинестезическая (осмысленная выборочная запись лекции, с одной стороны, и проговаривание про себя — внутренняя речь, — с другой). В данном случае смысловые единицы, на наш взгляд, продолжают оставаться языковыми знаками, поскольку они имеют определенное предметное содержание, информируют о чем-то.

Таким образом, с точки зрения психологии, более тонкая дифференцировка моментов общения помогает выявить то рациональное, что имеется в знаковой теории вообще, и использовать его в методических целях. И в этом смысле проявляется одно из практических применений семиотической теории знаков к мыслительной деятельности человека.

Тот факт, что с помощью знаков в ходе практической деятельности человека формируется обобщенное отражение действительности, а содержание знаков, их значение, и есть «обобщенное и общезначимое отражение предмета»¹; оно имеет для психологического изучения языка особое значение. Но, указывая на обобщающую роль языка в процессе познания мира, семиотика не раскрывает этот процесс конкретно. Она лишь описывает язык как один из видов знаковых систем и при этом претендует на исчерпывающее объяснение роли языка в познании. Однако подобное преувеличение роли семиотики некоторыми авторами² сужает анализ языка, низводя язык до замкнутой в себе сферы. Вместе с тем подрывается значение философии как науки, ибо роль ее в решении основного философского вопроса сводится лишь к проблеме языка.

Между тем семиотика в своих исходных положениях о языковых знаках ограничивается узкими рамками — отношением субъекта к знакам, к которым причисляются не только слова, представляющие собой языковые единицы и присущие человеческому мышлению. «Язык» пчел, муравьев, морская сигнализация, государственные символы (флаги, гербы и пр.) — все это, с точки зрения семиотики, тоже знаки, поскольку они являются носителями предметного содержания. Такой широкий диапазон исследования знаковых систем предполагает выделение лишь общих закономерностей, что, в свою очередь, определяет специфическое отношение к языковым знакам в семиотике и в силу этого сужает анализ непосредственно языковых знаков, не позволяя раскрыть их качественную роль при переходе от эмпирического к теоретическому в познании. Ведь переход этот — явление сложное, означающее «не просто перевод знания с обыденного языка на научный, а изменение в содержании и форме знания, и он имеет основу, выходящую за пределы са-

¹ Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики, М., 1964, стр. 41.

² См., напр., А. А. Ветров. Семиотика и ее основные проблемы, М., 1968.

мого знания в сферу материальной практической деятельности»³. А это уже не входит в предмет семиотики.

Далее, сам познающий субъект (человек) семиотикой рассматривается как сложная организованная система в ряду таких систем, как кибернетическое устройство или любой живой организм. Такой подход к познавательной деятельности человека и роли языка в ней с психологической точки зрения вызывает возражения. Человеческий «язык вместе с познанием и отражением включается в общую систему человеческих отношений»⁴ и, следовательно, может рассматриваться лишь в этой сложной системе с учетом таких отличительных качеств человеческого мышления, как целенаправленность, эмотивность и др.

В этом смысле становится понятным резко отрицательное отношение некоторых психологов к знаковому подходу при психологическом изучении языка. Так, А. В. Брушлинский прямо говорит: «Понятие знака весьма плодотворно и необходимо в области математической логики, но не психологии, где оно остается столь же формальным и внешним, как и понятие изоморфизма, соответствия и т. д.»⁵

Мы не совсем согласны со столь резкой критикой теории знаков в ее применении к психологии, ибо, как уже сказано выше, знаковый подход к отражательной деятельности психики человека позволяет выявить новые стороны языка как орудия познания. Говоря о сигнальном характере языка, семиотика, хотя и не дает общего решения вопроса, все же подсказывает методы изучения процесса перехода от конкретно-чувственного отражения действительности к более сложному уровню — абстрактно-понятийному.

В принципе о знаковости языка речь идет уже давно, но за последние годы толкование языка как знаковой системы получило особенно широкое распространение. Причем не только в семиотике. Еще Л. С. Выготский писал, что у человека «социальная жизнь создает необходимость подчинить поведение индивида общественным требованиям и наряду с этим создает сложные сигнализационные системы — средства связи, направляющие и регулирующие образование условных связей в мозгу отдельного человека... Эти средства психологической связи по самой природе функции своей суть знаки, т. е. искусственно созданные стимулы, назначение которых состоит в воздействии на поведение»⁶.

Развивая положения Л. С. Выготского относительно знака, А. А. Леонтьев предлагает при исследовании проблемы языка и мышления анализировать не сами знаки или знаковые системы, а знаковую деятельность, т. е. такие специфические виды деятельности, которые предполагают употребление знаков (и невозможны без такого употребления). Здесь А. А. Леонтьев имеет в виду учет внутренней психологической стороны знака как орудия формирования и средства функционирования специфически человеческой формы отражения действительности — социально-психологической, или сознательной формы отражения⁷. А такая форма отражения базируется, естественно, на органической связи обеих сигнальных систем, которые в деятельности

³ П. В. Копнин. Философские проблемы языка, в кн.: «Философия и современность», М., 1971, стр. 192.

⁴ Г. Клаус. Сила слова, М., 1967, стр. 207.

⁵ А. В. Брушлинский. Психология мышления и кибернетика, М., 1970, стр. 173.

⁶ Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования, М., 1956, стр. 203.

⁷ А. А. Леонтьев. Язык, речь, речевая деятельность, М., 1969, стр. 45.

человека не отделимы друг от друга: как нераздельны чувственное и рациональное познание. Этот момент нельзя упускать из виду при знаковом подходе к психологическому изучению языка.

С другой стороны, много интересного можно извлечь для психологического изучения языка и в теории информации, которая позволяет видеть «в каждом акте речевого общения строго закономерную последовательность процессов, начиная с источника сообщения и кончая реакцией принявшего его человека»⁸.

В этом смысле образование уже самых первых абстракций базируется на извлечении той информации, которая имеет определенную ценность для деятельности человека и которую он извлекает из сигналов объективного мира. И здесь мы согласны с В. И. Веселовским, который считает, что по теории информации, «формирование языка... это... приобретение человеком способности к высшей форме переработки информации, в результате которой создаются понятия и другие виды рационального отражения действительности»⁹.

Такая способность человека к специфической переработке информации объясняется нервно-физиологическими особенностями высшей нервной деятельности человека. На основании положений И. П. Павлова о том, что «отдельными раздражениями являются все этапы состояний как отдельных корковых клеток, так и всевозможных комбинаций из них»¹⁰, можно сделать вывод, что эти раздражения служат сигналами, управляющими деятельностью организма, т. е. их («этапы состояний» и «комбинации из них») можно назвать знаковой системой. В данном случае это будет физиологическая знаковая система, по определению О. С. Макшеевой¹¹.

О. С. Макшеева отмечает, что «физиологическая знаковая система является первичной знаковой системой, на основе которой возникают вспомогательные знаковые системы языка, служащие целям коммуникации и познания»¹².

На наш взгляд, такая современная интерпретация павловского понимания системной работы коры больших полушарий проливает свет на «знаки и знаковые системы, являющиеся материальным воплощением идеальных образов (чувственных и рациональных), чем и определяется их роль в познавательном процессе»¹³.

Таким образом, гибкость диалектического подхода к решению поднятого вопроса состоит в том, чтобы при рассмотрении его учитывать все возможные стороны, все наблюдаемые явления критически, выявить положительное и отбросить нерациональное.

Методологической основой советской психологии служит марксистско-ленинская философия, рассматривающая язык и мышление в плане основного вопроса философии — первичности материи и вторичности сознания. Согласно диалектическому материализму, язык и мышление представляют собой неразрывное единство двух специфических человеческих свойств.

⁸ В. А. Артемов. Психология речи за 40 лет, в кн.: «Экспериментальная фонетика и психология речи», Ученые записки МГУ, т. XX, М., 1960, стр. 543—544.

⁹ В. И. Веселовский и др. Информация, отражение, сознание, в кн.: «В. И. Ленин и теория отражения», Свердловск, 1970, стр. 52.

¹⁰ И. П. Павлов. Избранные произведения, М., 1951, стр. 379.

¹¹ О. С. Макшеева. Проблема соотношения знака и образа в свете ленинской теории отражения, в кн.: «Ленинская методология и философские вопросы естествознания», М., 1970, стр. 113.

¹² Там же, стр. 122.

¹³ Там же.

Поскольку познание протекает при помощи языка, то психология рассматривает язык как одно из средств отражения объективной действительности.

Психологический анализ языка не будет полноценным без привлечения данных, полученных другими отраслями знания. Так, семиотика, теория информации, новейшие данные физиологии дают принципиально новый материал в плане психологического исследования языка и мышления. Наряду с другими науками, семиотика имеет принципиальное значение для раскрытия психологической роли языка, что, в свою очередь, позволяет по-новому осмыслить психологические вопросы речи и мышления, раскрыть новые аспекты в психологии обучения.

Н. Хўжаева

**ТИЛНИ ПСИХОЛОГИҚ УРГАНИШГА БЕЛГИ ЖИХАТДАН ЕНДОШИШ
ТУҒРИСИДА**

Мақола тилни психологик ўрганиш масаласига бағишланган бўлиб, автор унда деалектик-материалистик методология позициясида туриб белги жиҳатдан ёндошишни тўғри тушуниш ва қўллашнинг нутқ ва фикрнинг психологик масалаларини ишлаб чиқариш учун катта назарий ва амалий аҳамиятга эга эканлигини кўрсатади.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О ФАКТОРАХ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КОМУНИЗМА

В процессе построения коммунизма в нашей стране Коммунистическая партия и Советское государство решают ряд сложнейших социально-экономических и теоретических проблем. Среди них исключительно важное место занимает проблема повышения творческой активности трудящихся как одного из необходимых условий успешного решения грандиозных задач коммунистического строительства.

На XXIV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК Л. И. Брежнев отмечал: «Одна из центральных задач партии — все более широкое вовлечение трудящихся масс в управление производством. Нужно добиваться, чтобы каждый сознательный трудящийся, каждый сознательный рабочий, как подчеркивал В. И. Ленин, «чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны» (т. 36, стр. 369—370)¹.

Рост творческой активности трудящихся на современном этапе охватывает как экономическую, так и социально-политическую сферу, науку, культуру, быт. Причем в каждой из этих областей активность масс принимает свои направления и формы. Так, в сфере материального производства она направлена на повышение производительности труда, борьбу за технический прогресс, совершенствование организации и руководства производством.

В сфере социально-политической жизни общества эта активность проявляется в расширении участия трудящихся в жизни страны, вестороннем развертывании социалистической демократии, дальнейшем укреплении Советского государства.

Повышение роли трудящихся в условиях строительства коммунизма характеризуется и такими принципиально новыми особенностями, как непрерывность и динамичность количественного роста исторически действительной, сознательной массы трудящихся; усиление конструктивного начала в деятельности масс, связанное как с объективным усложнением задач, встающих перед обществом по мере его развития, так и с ростом культуры и объема знаний трудящихся. Сюда относятся и повышение степеней социальной организованности, внутренней сплоченности масс на всех уровнях их организации — от отдельного коллектива и межгрупповых (в том числе межклассовых и межнациональных) отношений до масштабов общества в целом; развитие добровольности и убежденности в практических, созидательных действиях трудящихся; углубление отношений и сознания коллективизма, взаимного долга и ответственности между массой и личностью; повышение роли творческой инициативы каждого члена общества и т. д.

Это — закономерный результат действия ряда важнейших объективных и субъективных факторов, присущих социалистическому обществу. В. И. Ленин связывал успех социалистического строительства с тем, что создание нового общества берут в свои руки многомиллионные массы трудящихся, а именно «за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов... рабочих и крестьян»².

Советская власть дала трудящимся новые формы демократии, подлинное народовластие, обеспечивающее неуклонный рост творческой инициативы широких масс. На современном этапе коммунистического строительства мы видим новый могучий подъем трудовой общественно-политической активности советского народа, обусловленной, как указывалось на XXIV съезде КПСС, всем ходом социалистического строительства, грандиозными успехами экономики и культуры, ростом благосостояния трудящихся.

Определяющую роль в росте творческой активности масс играет объективный, материальный фактор, который приобретает все большее значение в условиях неук-

¹ Правда, 31 марта 1971 г.

² В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 194.

лонного развития производительных сил, технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства. Понятие «объективные факторы возрастания творческой активности масс» охватывает те условия материальной жизни социалистического общества, среди которых решающее значение имеет вся совокупность общественных, прежде всего производственных отношений.

Творческая инициатива масс ярко проявляется в борьбе за технический прогресс. Только в Узбекистане, как отмечал первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов на XVIII съезде Компартии Узбекистана, за восьмью пятилетку внедрено около 1500 крупных мероприятий по новой технике и передовой технологии, начат серийный выпуск многих новых машин, приборов и товаров народного потребления. Шире стали внедряться электронно-вычислительная и организационная техника, научная организация труда. Осуществление рационализаторских предложений и изобретений дало свыше 200 млн. руб. экономии². Таковы наглядные результаты роста сознательного, творческого отношения масс к труду.

Свобода труда — одно из важнейших завоеваний социализма. Социальный престиж советского человека выражается прежде всего в его отношении к труду на благо общества. В труде, в трудовом коллективе идет формирование характера человека. Труд и непосредственная общественно-политическая деятельность расширяют сферы активности личности, возможности проявления и развития всех ее способностей.

Технический прогресс ведет к постепенному стиранию различий между физическим и умственным трудом, замене тяжелого ручного труда механизированным, требующим более высокой квалификации. Растет число женщин, занятых общественно полезным трудом. Ныне в Узбекистане среди работников промышленности, строительства и транспорта женщины составляют 40%; среди женщин республики — 2 тыс. механиков-водителей хлопкоуборочных машин, 175 тыс. специалистов народного хозяйства³.

Яркое свидетельство возрастания творческой активности трудящихся на современном этапе строительства коммунизма — массовое участие рабочих и служащих в социалистическом соревновании и его высшей форме — движении за коммунистическое отношение к труду. В Узбекистане только за годы восьмой пятилетки число участников этого патристического движения увеличилось в 1,5 раза и составило около миллиона человек. Тысячи бригад, смен, цехов и участков, десятки предприятий завоевали почетное звание коллективов, а 370 тыс. человек — ударников коммунистического труда. Миллионы советских людей участвуют в ставших традиционными коммунистических субботниках.

На возрастание творческой активности масс в ходе строительства коммунизма большое влияние оказывает социалистический способ распределения. Основной принцип социализма: «от каждого по способности, каждому по труду» побуждает членов нашего общества работать лучше, рациональнее использовать рабочее время, укреплять трудовую дисциплину. По мере продвижения нашего общества к коммунизму сфера действия этого принципа будет расширяться, а вместе с тем будут расти и общественные фонды потребления, реальные доходы на душу населения.

Повышение культурно-технического, общеобразовательного и профессионального уровня трудящихся также служит одним из основных факторов дальнейшего подъема активности трудящихся. Подъем культурно-технического уровня масс обусловлен строительством материально-технической базы коммунизма и, в свою очередь, выступает важным условием успешного создания ее.

В подъеме творческой активности большое значение имеют и такие субъективные факторы, как воспитательная и организаторская роль Коммунистической партии и Советского государства, возросшая сознательность и высокая инициативность трудящихся, осознание ими целей и общественной значимости труда, организаторские способности рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции, сочетание личной материальной заинтересованности с общественной, моральных стимулов — с материальными. Понятие «субъективные факторы развития творческой активности трудящихся масс», на наш взгляд, означает сознательную, целесообразную деятельность и организаторские способности рабочего класса, всех трудящихся, деятельность партийных, советских, общественных организаций, направленную на мобилизацию творческой активности трудящихся в строительстве коммунизма.

В результате целенаправленной идейно-воспитательной и организаторской деятельности Коммунистической партии и Советского государства углубляется понимание каждым труженником необходимости плодотворно трудиться во имя коммунизма, осознание им общественной роли своего труда, необходимости соблюдения трудовой дисциплины.

Период строительства коммунизма характеризуется дальнейшим возрастанием роли КПСС как руководящей и направляющей силы советского общества.

Этот вопрос получил глубокую научно-теоретическую разработку в Программе КПСС, исторических решениях XXIII и XXIV съездов партии.

² Правда Востока, 3 марта 1971 г.

³ Там же.

Коммунистическая партия — это боевая организация, осуществляющая политическое и идейное руководство, ведущая неустанную организаторскую и идейно-воспитательную работу в массах.

Возрастание роли и значения Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества обусловлено, наряду с другими факторами, подъемом творческой активности масс, широким вовлечением их в управление общественными и государственными делами.

Успех в подъеме творческой активности трудящихся во многом зависит от того, насколько правильно определяются пути и перспективы развития, своевременно и правильно решаются новые задачи, обусловленные поступательным движением общества вперед.

Коммунистическая партия, руководствуясь марксистско-ленинским учением, изучая и обобщая колоссальный практический опыт миллионов, развивает в массах высокую сознательность, создает максимально благоприятные условия для всемерного роста их творческой активности. «Единство интересов партии и всего советского народа придает несокрушимую силу нашему обществу, способность преодолевать любые испытания. Неразрывное единство партии и всех трудящихся — вот что позволяет нам уверенно двигаться вперед, решать самые сложные задачи»⁵, — говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС.

Ведущей политической тенденцией в период строительства коммунизма является дальнейшее развертывание и совершенствование социалистической демократии, что, в свою очередь, служит главным средством всестороннего развития творческой активности советских людей, широкого привлечения их к участию в управлении страной. На данном этапе развития нашего общества наряду с активизацией деятельности Советов возрастает роль профсоюзов как школы управления, школы хозяйствования, школы коммунизма. Повышается и роль ленинского комсомола — массовой общественной организации молодежи, активного помощника и боевого резерва Коммунистической партии, объединяющего с своих рядов около 23 млн. юношей и девушек.

В коммунистическом воспитании трудящихся, росте их творческой инициативы огромное значение имеет идеологическая работа нашей партии, моральный фактор. Моральные стимулы означают не что иное, как понимание каждым гражданином общественного значения своего труда, осознание своего долга — добросовестно трудиться на благо общества. Они формируются трудовой и общественной деятельностью, требованиями советских законов, общественным мнением, отношениями, складывающимися между советскими людьми, едиными целями и задачами, стоящими перед нашим обществом строителей коммунизма.

Вместе с тем было бы неправильным отрицать значение на данном этапе принципа материальной заинтересованности, правильное применение которого в сочетании с моральными стимулами играет важную роль в развитии творческой активности масс.

Все эти и другие объективные и субъективные факторы диалектически взаимосвязаны и во взаимодействии их кроется неиссякаемый источник роста творческой активности советских людей, умножающих свои усилия в борьбе за победу коммунизма в нашей стране.

Ш. Хадидулов

⁵ Правда, 31 марта 1971 г.

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В современных условиях политика управления приобрела не только важное теоретическое, но и практическое политическое значение. Неслучайно XXIV съезд КПСС уделил большое внимание вопросам дальнейшего совершенствования управления во всех сферах общественной жизни.

В социалистическом обществе процесс управления носит сознательный, целенаправленный характер. В силу господства общественной собственности здесь перестает действовать стихийный регулятор социальных процессов, на смену которому приходит целеустремленная деятельность системы государственных учреждений и организаций, возглавляемых Коммунистической партией.

Особенно эффективен процесс управления в современных условиях зрелого социалистического общества, строящего коммунизм. Это в полной мере относится и к сфере управления культурой. В период строительства социализма культура развивалась преимущественно экстенсивным путем. Основной упор в организации культурной революции делался на количественный аспект: увеличение числа культурно-просветительных учреждений, рост образования, культурного уровня трудящихся и т. д. В современном

же эпоху наступает иной этап, характеризующийся интенсивностью процессов культурного строительства, причем основной упор делается на качественные показатели, т. е. культурная революция развивается прежде всего «вглубь».

Упор на интенсификацию процессов культурного строительства требует поиска оптимальных условий функционирования как культуры в целом, так и ее компонентов. В связи с этим необходима гибкая и дальновидная стратегия управления, опирающаяся на хорошо разработанную систему теоретических принципов. Надо установить оптимальные пропорции между различными сторонами культурных преобразований, выделить в их ряду доминирующие факторы, причем не столько те, которые определяют сегодняшнее лицо, сколько те, которые будут характеризовать завтрашний облик культуры нашего общества, раскрывать перспективы и магистральные направления культурного прогресса.

Всякий процесс управления носит циклический характер. Цикл начинается с постановки задач и заканчивается их решением. Затем на основе анализа информации о достигнутых результатах ставятся новые задачи, и цикл начинается сначала, но уже на более высоком уровне. Циклы различаются пространственными рамками, продолжительностью во времени, очередными задачами, путями и средствами их осуществления.

Научное руководство в сфере культуры — не что иное, как знание объективных законов развития культуры, умение правильно использовать их в интересах поступательного движения общества. Это сознательное и целенаправленное воздействие на общественную систему духовного производства в целом и отдельные его сферы на основе использования присущих данной системе закономерностей и особенностей.

Задача субъекта управления состоит в том, чтобы привести систему в соответствие с присущими ей объективными закономерностями, выявить прогрессивные тенденции и на этой основе организовать функционирование и развитие системы.

Возрастание роли субъективного фактора происходит не за счет снижения значимости материальных условий и объективных закономерностей, а в связи с тем, что повышается роль сознательности и организованности масс и их авангарда — Коммунистической партии как направляющей и руководящей силы общественного развития.

Теоретически вопрос о руководящей роли Коммунистической партии восходит в конечном счете к пониманию соотношения стихийности и сознательности в социальном процессе. Исходные установки по этим вопросам выдвинули еще К. Маркс и Ф. Энгельс, а всестороннее научно-теоретическое обоснование их дал В. И. Ленин. Особенно важны в этом плане такие работы В. И. Ленина, как «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», и др.

Диалектика социального развития такова, что рабочее движение на определенном этапе рождает революционную партию, а она, в свою очередь, придает этому движению сознательный и организованный характер. Признание руководящей роли партии соответствует материалистическому пониманию диалектики исторических процессов.

XXIV съезд КПСС глубоко раскрыл эту диалектику применительно к современному этапу развития общества. В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду партии Л. И. Брежнев подчеркивал: «Чем шире размах нашей созидательной деятельности, чем сложнее проблемы, которые приходится решать, тем выше роль и ответственность Коммунистической партии, идущей во главе масс».

Одна из важнейших задач управления в сфере культуры — всемерное содействие сближению братских культур народов СССР. Их неуклонное сближение — одна из закономерностей строительства коммунизма, и Коммунистическая партия активно способствует развитию этого процесса, в том числе в области культуры.

Процесс взаимодействия культур в классово-антагонистических формациях отражает глубокие противоречия общественной жизни, основанной на частной собственности и эксплуатации человека человеком. Господствующий класс, расширяя сферу своей эксплуатации, включает в нее народы других стран, навязывая им не только угодные ему экономические и политические порядки, но и свою культуру. Это вызывает ответную реакцию в виде националистических тенденций, стремление отгородиться от культуры господствующей нации, даже если она объективно находится на более высокой ступени развития. В этих условиях взаимодействие культур крайне затрудняется и, соответственно, замедляется их прогрессивное развитие. Как показала история, колониальный гнет оказал губительное влияние на культуру угнетенных империализмом народов.

Принципиально иной характер приобретает взаимодействие культур народов в эпоху социализма. Прежде всего следует подчеркнуть, что вся деятельность Коммунистической партии и социалистического государства в области культурного строительства направлена на то, чтобы развивать интернациональные основы культуры, утверждать в ней общечеловеческое, общенародное, но лучшее, прогрессивное, что есть в национальной культуре каждого народа. Взаимодействие культур превращается из процесса стихийного в сознательно, целенаправленно управляемый процесс. Деятельность КПСС по управлению культурой служит мощным ускорителем расцвета и сближения братских культур всех народов СССР.

Всестороннее укрепление культурных связей социалистических наций способствует успешному решению экономических и политических задач строительства коммунизма.

Э. Г. Абрамян

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Коммунистическая партия и Советское государство придают огромное значение всемерному укреплению социалистической законности и правопорядка в нашей стране. Советские законы, выражая в обобщенной, концентрированной форме волю народа, охраняют наш общественный и государственный строй, права и законные интересы граждан и организаций, обеспечивают претворение в жизнь политики Коммунистической партии. «Закон есть мера политическая, есть политика», — указывал В. И. Ленин¹.

В укреплении социалистической законности исключительно важную роль играет правовое воспитание граждан. «Партийные организации, профсоюзы, комсомол, — указывается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, — обязаны сделать все, чтобы обеспечить строжайшее соблюдение законов, улучшить правовое воспитание трудящихся. Уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека»².

Особое значение имеет правовое воспитание молодежи как важная составная часть коммунистического воспитания подрастающего поколения.

Следует подчеркнуть, что основная масса советской молодежи неуклонно соблюдает социальные нормы советского общества, наши законы, правила социалистического общежития. Высокие моральные качества советского человека, в том числе молодых сторонников коммунизма, восхищают весь мир.

Однако некоторая часть молодежи не проявляет должной сознательности, нарушает требования советских законов, правила социалистического общежития. «К сожалению, — говорил Л. И. Брежнев на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 12 июня 1970 г., — есть еще отдельные люди, которые не воспитали в себе такого необходимого качества, как сознательное и неукоснительное соблюдение законов, правил социалистического общежития. С таким положением партия мириться не может и не станет»³.

В нашей стране ведется решительная борьба с любыми проявлениями преступности. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что преступность в целом по стране имеет явно выраженную тенденцию к снижению. Советское государство, опираясь на растущую сознательность и широкую поддержку трудящихся, настойчиво добивается полного и окончательного искоренения преступности в нашем обществе.

В этих целях наше государство использует арсенал самых разнообразных средств — от общественного порицания и материального воздействия до строгого уголовного наказания. Главное в этой борьбе — профилактика, предупреждение антиобщественных поступков. Еще К. Маркс указывал: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него»⁴.

Важным средством предотвращения правонарушений и укрепления законности является широко поставленное правовое воспитание масс, и прежде всего подрастающего поколения.

Между тем правосознание некоторой части молодежи заметно отстает от общего уровня ее развития. В своем преобладающем большинстве наша молодежь много читает, прекрасно осведомлена о научно-технических и спортивных достижениях, но почти не имеет представления о действующем законодательстве. Встречается еще немало юношей и девушек с искаженным представлением о праве. Для многих подростков характерен правовой инфантилизм — несформированность правосознания. Значительная часть подростков и их родителей воспринимает законы односторонне, только как систему запретов. Однако советские законы играют прежде всего конструктивную, воспитательную роль. «Вся система государственных и общественных организаций, — подчеркивается в Программе КПСС, — воспитывает трудящихся в духе добровольного, добросовестного исполнения своих обязанностей, ведет к органическому соединению прав с обязанностями в единые нормы коммунистического общежития»⁵.

Практика показывает, что если общие принципы права, наиболее тесно связанные с нравственными нормами, усваиваются сравнительно хорошо, то содержание конкрет-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 99.

² Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971, стр. 99.

³ Правда, 13 июня 1970 г.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 131.

⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971, стр. 106.

ных правовых норм молодежь знает очень слабо. Правовые представления многих молодых людей основываются преимущественно на нравственных представлениях, усвоенных в процессе воспитания и самовоспитания подростков, а не на знании закона.

В последние годы в Узбекистане, как и во всей стране, значительно расширилась пропаганда правовых знаний. Функционируют университеты правовых знаний, проводятся вечера вопросов и ответов по законодательству, читаются лекции, публикуются статьи и брошюры по различным вопросам права. Только в 1970 г. в республике было прочитано 27 144 лекции на правовые темы. В республике работает около 30 народных университетов правовых знаний, значительная часть их слушателей — юноши и девушки.

Большой популярностью пользуются специальные циклы лекций для молодежи, как правило, сопровождаемые показом художественных и документальных фильмов. Интересны радио- и телепередачи, посвященные вопросам борьбы с правонарушениями, укрепления социалистической законности, особенно программы «Человек и закон», «Подросток и закон». Все чаще появляются на страницах республиканской печати судебные очерки, корреспонденции, пропагандирующие советские законы.

Однако в организации правовой пропаганды нет еще четкой системы и дифференцированного подхода к различным группам молодежи, недостаточно охвачены ею несовершеннолетние. Требуют более глубокого изучения причины и условия, способствующие совершению преступлений несовершеннолетними.

Социологические исследования показывают, что отклоняющееся от нормы поведение подростка чаще всего связано с недостаточным образовательным уровнем, неблагоприятными условиями воспитания и формирования личности. Большинство правонарушений совершают подростки с невысоким культурным уровнем, бедными интересами, неразвитым интеллектом, низким уровнем правосознания. Вместе с тем среди несовершеннолетних правонарушителей встречаются подростки с адекватным возрасту общим уровнем культурного развития, но дефектным правосознанием. Во всех этих случаях необходимы дифференцированные меры как для позитивного воздействия на условия нравственного развития несовершеннолетних, так и для коррекции формирующейся личности подростка, ликвидации пробелов в его правосознании.

Повышение правовой культуры, воспитание глубокого уважения к закону невозможны без формирования коммунистического мировоззрения, трудового воспитания, повышения общей культуры и образования молодежи. Большое внимание необходимо уделить в процессе обучения подрастающего поколения гуманитарным предметам, которые развивают чувства патриотизма, гражданской ответственности, уважения к людям, к нормам человеческих взаимоотношений, принципам коммунистической морали.

Опрос группы подростков, проведенный сотрудниками Института философии и права АН УзССР, показал, что несовершеннолетние слабо ориентируются в элементарных вопросах советского права, почти не знакомы с действующим законодательством. Например, более 50% опрошенных не знали, что нельзя изготавливать и носить холодное оружие; 40% думали, что уголовный закон наказывает виновных лишь с 18-летнего возраста, а не с 16 и за некоторые преступления — с 14 лет. Значительная часть подростков считала состояние опьянения смягчающим вину обстоятельством. Плохо представляют несовершеннолетние назначение и размеры возможного наказания за совершение преступления. Весьма смутны их понятия об основах гражданского, брачно-семейного, трудового, административного и иного законодательства.

Ясно, что юридическая неосведомленность отнюдь не способствует созданию необходимого нравственного и правового климата в среде подростков, атмосферы нетерпимости к правонарушениям.

С другой стороны, нельзя забывать, что некоторая часть молодежи поддается иногда отрицательному влиянию буржуазной пропаганды, низкопробных западных фильмов, а также детективной литературы. Надо с большой ответственностью подходить к демонстрации фильмов и изданию литературы для юношества, лучше учитывать возрастные особенности молодежи. Нам нужен хороший советский детектив, демонстрирующий мужество и благородство тех, кто борется с преступностью, разоблачающий грязь и мерзость преступного мира, утверждающий принципы неотвратимости справедливого наказания, пропагандирующий высокие нормы коммунистической морали.

Средства массовой информации — радио, телевидение, печать, а также литература и искусство должны помогать формированию духовного и нравственного мира подростка, созданию психологического барьера, препятствующего совершению правонарушений.

С 1970 г. в 8-х классах общеобразовательных школ и в 9-х классах школ рабочей молодежи Узбекистана введено факультативное преподавание курса «Основы советского права», рассчитанного на 35 часов. Преподают его, как правило, историки. Думается, что следует начинать изучение азов советского права еще раньше, с 4—5-х классов. Целесообразно, с одной стороны, организовать правовую подготовку учителей истории и обществоведения, а с другой, — шире привлекать к этой работе квалифицированных юристов. Такой опыт уже имеется. В ташкентских школах № 25, 147, 187 юристы ведут уроки по трудовому законодательству, уголовному кодексу и т. п. На-

до помочь юристам овладеть педагогическими навыками, чтобы сделать их работу более плодотворной.

При изучении, например, уголовного права следует, очевидно, не ограничиваться разъяснениями тех или иных норм УК, а делать упор на важнейших вопросах борьбы с преступностью, антиобщественными поступками несовершеннолетних, на развитие их правового сознания, чувства социальной ответственности. Юридические сведения должны включать разъяснение принципа неотвратимости наказания за содеянное. Надо также уделять большое внимание гражданским, семейным и иным правовым отношениям.

Важное значение имеет правовое воспитание студенческой молодежи. С 1968 г. во многих высших и средних специальных учебных заведениях республики введен факультативный курс по основам советского права, рассчитанный соответственно на 70 и 50 часов. Пользуются популярностью у студентов и постоянно действующие лектории «Правовые знания — в массы». Они успешно работают, например, в ТашГУ, Анджанском пединституте, Ташкентском электротехническом институте связи.

По нашему мнению, основы советского законодательства целесообразно изучать во всех учебных заведениях в качестве обязательного курса. Программа курса и учебные пособия должны определяться составом и уровнем учащихся.

С октября 1970 г. в школах республики осуществляется план правовой пропаганды, разработанный министерствами просвещения и юстиции. Наряду с разработками по курсу «Основы советского права» он предусматривает проведение семинаров для учащихся, создание лекторских групп, организацию методических центров по обобщению и распространению правовых знаний среди учащихся и их родителей. К сожалению, лекций, специально подготовленных для учащихся и особенно для их родителей, пока еще явно недостаточно.

Надо чаще приглашать в учебные заведения юристов — ученых и практических работников для проведения лекций и бесед на актуальные правовые темы; увеличить объем часов, отводимых на радио- и телепередачи для молодежи; наладить систематический выпуск популярных брошюр и лекций по праву, интересных судебных очерков, короткометражных научно-популярных фильмов.

Заметным событием в правовой жизни страны стало издание с 1971 г. научно-популярного журнала «Человек и закон». Было бы целесообразно организовать издание юридического журнала в Узбекистане, где помещались бы и материалы, касающиеся правового воспитания молодежи.

Важную роль в правовом воспитании молодежи призваны сыграть публицистика и художественная литература. У нас еще явно недостаточно книг, которые в яркой художественной форме пропагандировали бы среди молодежи советское право, уважительное отношение к закону.

Правовое воспитание молодежи должно стать предметом постоянной заботы органов суда, прокуратуры, милиции, партийных, комсомольских и иных общественных организаций. Вдумчивое, планомерное, систематическое воздействие на правосознание молодежи, доходчивое разъяснение законодательства, единства права и обязанностей членов социалистического общества, широкое привлечение в этих целях всех средств массовой информации будут способствовать правовому воспитанию подрастающего поколения, повышению его сознательности и активности в борьбе за коммунизм.

Р. Аренберг, М. Касымов

КОМПЛЕКСНАЯ МЕХАНИЗАЦИЯ ХЛОПКОВОДСТВА И ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Коммунистическая партия и Советское государство, уделяя огромное внимание развитию сельского хозяйства страны, придают большое значение всемерному укреплению материально-технической базы сельскохозяйственного производства. Это ярко видно на примере Узбекистана. Только за годы восьмой пятилетки колхозы и совхозы республики получили около 87,8 тыс. тракторов, 19,5 тыс. хлопкоуборочных машин, 32 тыс. тракторных плугов, почти 27 тыс. тракторных сеялок, около 67,5 тыс. культиваторов и много другой техники¹.

К началу 1971 г. земледельцы Узбекистана имели 125 тыс. тракторов, 450 тыс. различных сельскохозяйственных машин и т. д.² Энерговооруженность одного работника в сельском хозяйстве возросла с 3,2 л. с. в 1959 г. до 8,4 л. с. в 1969 г., а на 100 га пашни — с 136 до 330 л. с.³

¹ Узбекистан за годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.). Краткий статистический сборник. Ташкент, 1971, стр. 34.

² Ш. Р. Рашидов. Отчет ЦК КПУз XVIII съезду Коммунистической партии Узбекистана, Правда Востока, 3 марта 1971 г.

³ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1969 году. Статистический ежегодник. Ташкент, 1970, стр. 142.

Комплексная механизация сельского хозяйства, особенно хлопководства, освобождает колхозника от тяжелых, малоквалифицированных работ, меняет характер его труда. «Поступление на село новой и все более сложной техники, мощных тракторов, комбайнов, автомашин, рост благосостояния крестьян, постепенное улучшение культурно-бытовых условий делают труд все более привлекательным, интересным»⁴.

Научно-технический прогресс в сельскохозяйственном производстве усиливает потребности села в квалифицированных специалистах, механизаторах широкого профиля, обуславливает необходимость неуклонного подъема культуры-технического уровня всех труженников полей.

Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорил, что «рост производительных сил сельского хозяйства, постепенное превращение сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального, подъем культуры деревни и перестройка сельского быта — все это ведет к изменению социального облика и психологии крестьянства. У него появляется все больше общих черт с рабочими»⁵.

Превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального — сложный процесс. Он тесно связан не только с механизацией, химизацией, электрификацией сельского хозяйства, но и с культурно-техническим ростом труженников села.

Сейчас сельскому хозяйству требуются специалисты широкого профиля, умеющие использовать технику во всех процессах производства. Именно таковы наши знающие механизаторы, новаторы производства Валентин Тюпко, Турсун Ахунва, Шаймардан Кудратов, Абдусаттар Курбанов, Хафиз Палванов и многие другие.

Профессия механизатора стала ныне самой популярной среди сельской молодежи. На рубеже 60-х годов в республике началось массовое движение девушек-комсомолок за овладение хлопкоуборочной техникой по почину знающего механизатора Турсунной Ахуновой. Только в 1960—1961 гг. на краткосрочных курсах механиков — водителей хлопкоуборочных машин прошли обучение 2203 женщины⁶. Уже в 1960 г. 1166 женщин впервые сели за руль хлопкоуборочных машин.

Такие механизаторы, как Матлюба Назарова, Мукаррам Пардаева, Улджан Бамурадова, Абида Хамраева, Рисолат Ахмедова, Муяссар Барнаева, Ханум Суярова, Роза Боймбетова, Зинаида Почтарева, Иклим Джурабаева, собирали за сезон по 150—200 т хлопка-сырца и более.

Основным условием технического прогресса в хлопководстве по-прежнему остается механизация уборки урожая. За последние годы благодаря огромной работе партийных, советских и хозяйственных организаций республики достигнуты значительные успехи во внедрении машинной уборки хлопка. Если в 1958 г. хлопкоуборочными машинами было собрано 65 тыс. т (2%), в 1965 г. — 910,5 тыс. т (23,3%), то в 1971 г. машинный сбор хлопка-сырца составил 1837 тыс. т (40,7%)⁷. В Сырдарьинской области машинами убрано 68, а в Ташкентской — 59% урожая⁸.

Рост парка тракторов и сельскохозяйственных машин позволяет механизировать пахоту под хлопчатник и его сев на 98%, междурядную обработку на 80% и т. д. Механизированная обработка в продольном и поперечном направлениях дала возможность обойтись без применения кетмена, значительно облегчить ручной труд колхозников, резко сократить затраты труда на единицу продукции. Если в дореволюционном Узбекистане на производство 1 ц хлопка затрачивалось 250—300 чел.-час⁹, то в 1970 г. — 35¹⁰. Во многих же областях эти затраты гораздо ниже. Например, в Ташкентской области — 29,8, а в Сырдарьинской — 22,1 чел.-часа¹¹. Это прямой результат широкой механизации, технического прогресса в хлопководстве.

Рост технической оснащенности колхозов и культурно-технического уровня колхозников позволил выдвинуть новую форму организации труда — создание тракторно-полеводческих бригад. Зачинателями создания их были новаторы производства, знающие механизаторы — Курбан Кенжаев, Тагай Абдусаматов, Валентин Тюпко, Маннап Джалалов и др.

В комплексных тракторно-полеводческих бригадах и звеньях земля, вода и техника находятся в одних руках, что позволяет полнее использовать достижения химии, агротехники, ирригации, механизации и организации труда для повышения урожайности хлопчатника, производительности труда и снижения себестоимости продукции. При-

⁴ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971, стр. 91.

⁵ Там же, стр. 90.

⁶ См. «Труженники села, Узбекистана в борьбе за развитие сельского хозяйства», Ташкент, 1968, стр. 131.

⁷ Совет Узбекистана, 4 марта 1966 г., 3 марта 1971 г.; Правда Востока, 27 января 1972 г.

⁸ Правда Востока, 27 января 1972 г.

⁹ Правда Востока, 7 сентября 1962 г.

¹⁰ Правда Востока, 8 января 1972 г.

¹¹ Там же.

менение комплексной механизации в организационных рамках тракторно-полевых бригад способствует превращению сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального. Труд членов этих бригад по своему характеру приближается к труду рабочего промышленности. Комплексные бригады непрерывно пополняются квалифицированными механизаторами, кадры которых готовятся в основном в системе Министерства сельского хозяйства и местными организациями объединения «Узсельхозтехника».

Одна из важнейших форм подготовки массовых механизаторских кадров — курсовое обучение. Вместе с тем широкое применение получило и стационарное обучение, т. е. подготовка кадров в школах механизации сельского хозяйства.

Краткосрочные курсы, кружки, созданные при колхозах, совхозах, отделениях «Узсельхозтехники», готовят главным образом механизаторов менее сложных профессий, таких как механики — водители хлопкоуборочных машин. Курсовая система обучения имеет свою специфику. Во-первых, срок обучения на курсах очень короткий — 2—3 месяца; во-вторых, они слабо обеспечены квалифицированными преподавателями; в-третьих, не все курсы имеют необходимую учебную базу (технику, литературу, наглядные пособия и т. д.).

Эти недостатки не позволяют готовить на курсах механизаторов широкого профиля. Практика показывает, что требованиям прогресса в сельском хозяйстве отвечает система подготовки механизаторских кадров только в школах механизации сельского хозяйства. За последнее время значительно укрепилась учебно-производственная база этих школ, улучшился состав преподавателей, выросла сеть школ. Если в 50-х годах в республике функционировало всего 16 таких школ¹², то к концу 1970 г. их стало 40¹³.

Для дальнейшего улучшения подготовки кадров срок обучения в училищах механизации был удлинён с двух-трех месяцев до двух лет. Значительно вырос выпуск механизаторов из училищ. Если в период семилетки они ежегодно готовили для колхозов более 8 тыс. механизаторов широкого профиля, то в период восьмой пятилетки выпуск механизаторов увеличился до 18 тыс. в год¹⁴.

В результате внедрения комплексной механизации сельского хозяйства и достижений агротехнической науки на селе появляются все новые профессии, такие как инкубист, борбист, химизатор и т. д. Только за последние два года в республике организована подготовка кадров для хлопководства по 17 специальностям. В 1970 г. число механизаторов возросло до 150 тыс.

Как видно, подготовка механизаторов широкого профиля все более улучшается. Тем не менее сельское хозяйство республики ощущает еще большую потребность в кадрах, что особенно сказывается при организации двухменной работы во время уборки урожая. В Ташкентской области, например, в 1970 г. на 100 физических тракторов приходилось 94 тракториста, в Сырдарьинской — 78 и т. д.¹⁵ Невысок и уровень квалификации кадров трактористов в целом по республике и областям. Так, в колхозах Наманганской и Ферганской областей удельный вес трактористов 1-го класса составляет лишь 19, а в Хорезмской области — 13,7%¹⁶.

Большое внимание следует уделять подготовке механизаторских кадров из женщин. В 1970 г. на курсах механиков-водителей по Андижанской области обучалось всего 90 женщин, по Наманганской — 60, по Ферганской — 135¹⁷, а всего по республике было подготовлено лишь около 1,5 тыс. механиков-водителей из числа женщин¹⁸.

Таким образом, в республике предстоит еще сделать большую работу по дальнейшему расширению и совершенствованию всей системы подготовки механизаторских кадров, от чего во многом зависит успешное выполнение поставленных XXIV съездом КПСС задач по дальнейшему подъему колхозного и совхозного производства.

С. Вахидова

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 32, д. 7081, л. 3.

¹³ Еш Ленинчи, 24 марта 1971 г.

¹⁴ Текущий архив отдела подготовки кадров массовых профессий МСХ УзССР. Справка о подготовке кадров за 1970 г.

¹⁵ Правда Востока, 13 января 1971 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Текущий архив отдела подготовки кадров массовых профессий МСХ УзССР, 1970, д. 9.

¹⁸ Коммунист Узбекистана, 1970, № 11, стр. 52.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ЖИВОТНОВОДОВ В САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ СЕМИЛЕТКИ

В Директивах XXIV съезда КПСС уделено большое внимание дальнейшему подъему животноводства в нашей стране. Конкретные задачи развития животноводства в Узбекистане четко определены в решениях XVIII съезда КПУз и утвержденных II сес-

сией Верховного Совета УзССР 8-го созыва плановых заданиях девятой пятилетки по Узбекской ССР.

Успехи развития животноводства, как и любой другой отрасли народного хозяйства, во многом зависят от обеспеченности квалифицированными кадрами. В Узбекистане накоплен немалый опыт подготовки кадров животноводов для колхозно-совхозного производства. Значительная работа в этом направлении была проделана, в частности, в годы семилетки (1959—1965). Это можно показать, например, на материалах Самаркандской области УзССР, которая занимает видное место по производству продукции животноводства в республике.

Так, к началу семилетки Самаркандская область занимала первое место среди областей УзССР по заготовкам скота и птицы, молока и молочных продуктов, яиц, второе — по заготовкам шерсти¹ и т. д.

Семилетним планом были намечены новые рубежи развития животноводства, достижение которых в значительной степени зависело от обеспеченности данной отрасли квалифицированными кадрами.

Между тем в этом деле в Самаркандской области, как и в других областях республики, имелись еще существенные недостатки. Например, в 1963 г. в колхозах и совхозах области из 470 заведующих животноводческими фермами высшее образование имели всего 4 человека, среднее — 48. При назначении на эту должность не всегда учитывались деловые и моральные качества работников. Велика была и текучесть кадров. Мало внимания уделялось их расстановке. Так, в 1963 г. в Самаркандское облуправление производства и заготовок сельхозпродуктов было направлено 190 молодых специалистов с высшим и средним образованием. Но расстановка их не была должным образом продумана, многие из них были направлены на работу не по специальности, а в результате большинства специалистов не удалось закрепить в хозяйствах.

Многие специалисты с высшим и средним образованием работали в отраслях, не имеющих ничего общего с животноводством, в том числе в промышленности — 193, в строительстве — 42, на транспорте — 61, в торговле — 46 и т. д. В Самарканде на шелкоткацкой фабрике работали два агронома и три зоотехника, на трикотажной фабрике — два зооветеринара и зоотехника, на кожезаводе — два агронома, пять зоотехников, на заводе «Кинал» — три агронома, пять зоотехников и ветврачей, на суперфосфатном заводе — четыре агронома, пять зоотехников и т. д.

В то же время хозяйства области испытывали острую потребность в специалистах животноводческого профиля. Так, в среднем на одно хозяйство приходилось: агрономов — в колхозах 4,1, в совхозах — 9,2; зоотехников — соответственно 1,6 и 6,9; ветеринарных работников — 0,6 и 4,9. В колхозах и совхозах области не хватало и работников массовых профессий, в частности чабанов — 318, скотоводов — 138, доярок — 403 и т. д.

Партийные, советские и хозяйственные органы Самаркандской области, проанализировав состояние животноводческих кадров, приняли меры к улучшению работы с ними, наметили и осуществили ряд мероприятий по совершенствованию подготовки и переподготовки, подбора, расстановки и воспитания кадров в животноводстве. На важнейшие участки производства были направлены лучшие коммунисты и комсомольцы. Только в 1965 г. в животноводство области был направлен 291 коммунист. В ряде хозяйств на должности заведующих фермами были назначены квалифицированные специалисты, работники, имеющие большой практический опыт.

Большое внимание стало уделяться обобщению и распространению передового опыта. В 1962 г. было создано 5 республиканских школ передового опыта, в том числе в Самаркандской области — по обучению свинаяр в бригаде Д. Султанова (племсовхоз № 1), чабанов-каракулеводоов — в колхозе «Ленинчи чарвадар», доярок — на экспериментальной базе «Красный водопад, в хозяйстве А. Чудной, телятников — на базе племсовхоза № 4.

Кроме того, было создано 9 областных школ передового опыта по животноводству. В этих школах только в 1962 г. прошли обучение 231 доярка и механик доильных установок, 147 телятников, 153 свинаяр и т. д.² Были организованы курсы подготовки механиков животноводческих ферм. Руководители колхозов и совхозов повышали квалификацию на краткосрочных, а бригадиры и звеньевые — на постоянно действующих семинарах.

О том, какое значение имеет обеспечение хозяйств хорошо подготовленными, знающими и любящими свое дело кадрами животноводов, можно судить по следующим примерам.

В совхозе им. Тимирязева одной из лучших была первая каракулеводческая ферма. И это не случайно. Здесь работали люди с большим практическим опытом. В течение 15 лет фермой руководил коммунист Масулбек Кабызбеков, смело внедрявший

¹ Узбекистан за 7 лет (1959—1965 гг.). Краткий статистический сборник, Ташкент, 1966, стр. 73—74.

² Коммунист Узбекистана, 1965, № 2, стр. 43.

достижения науки и передовой практики. Мастерами своего дела были чабаны Урин Муминов и Кенгаш Тамгирбергамов. Овцы были хорошо упитаны, ухожены и давали высокий приплод. В течение семилетки чабаны получали от каждой 100 овцематок по 114—118 ягнят, сдавали 95% каракульских смушек первыми сортами, снимали с каждой овцы в среднем по 4,5 кг шерсти³.

В колхозе «Ленинчик чарвадар» Пахтакорского района работала доярка О. Улугова. На ферму она пришла после десятилетки. Большая любовь к своему делу, хорошее знание правил зоотехники помогли девушке довести надой от каждой из 17 закрепленных за нею коров до 2443 кг, тогда как средний надой от коровы на ферме не превышал 1463 кг.

Проделанная в годы семилетки большая работа партийных, советских, хозяйственных организаций области по обеспечению животноводства кадрами специалистов, повышению их квалификации, распространению передового опыта дала благотворные результаты. Достаточно сказать, что поголовье крупного рогатого скота в Самаркандской области выросло с 320,2 тыс. в 1958 г. до 409,9 тыс. в 1965 г. (в том числе коров — 126,9 тыс. до 171,7 тыс.), свиней — с 36,7 тыс. до 65,3 тыс. и т. д.⁴ Повысилась и продуктивность животноводства. Государственные заготовки молока и молочных продуктов в области увеличились с 34,8 тыс. т в 1958 г. до 47,0 тыс. т в 1965 г., яиц — с 9525 тыс. шт. до 27 096 тыс. шт., коконов тутового шелкопряда — с 1373 т до 1924 т и др.⁵

В годы минувшей пятилетки животноводы Самаркандской области добились новых успехов. Поголовье крупного рогатого скота к концу 1970 г. выросло до 497,4 тыс. (в том числе коров — до 195,2 тыс.), свиней — до 91,1 тыс. Государственные закупки молока и молочной продукции увеличились до 56,2 тыс. т, яиц — до 42 368 тыс. шт., коконов тутового шелкопряда — до 2064 т и т. д.⁶ Ныне же животноводы области вместе со всеми тружениками животноводства, вдохновленные историческими решениями XXIV съезда КПСС, вносят свой вклад в успешное решение задач девятой пятилетки.

Г. Темиров

³ Ленинский путь, 25 февраля 1966 г.

⁴ Узбекистан за 7 лет..., стр. 201.

⁵ Там же, стр. 202.

⁶ Узбекистан за годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.). Краткий статистический сборник, Ташкент, 1971, стр. 123—125.

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В УЗБЕКИСТАНЕ В 1917—1940 ГОДАХ

(На материалах Ферганской области)

После победы Великого Октября Коммунистическая партия и Советское государство, руководствуясь гениальным ленинским планом построения социализма в нашей стране, развернули огромную работу по строительству новой, социалистической культуры. Особое внимание уделялось преодолению фактического культурного неравенства народов бывших колониальных окраин России, в том числе Туркестана.

Царское правительство выделяло на народное образование в Туркестане ничтожные средства. Так, в 1915 г. на эти цели было израсходовано лишь 2,3% общего бюджета края, тогда как на содержание полиции и военного ведомства уходило 86,7% бюджета¹. На образование одного человека тратилось в среднем 22 коп. в год². Не удивительно, что коренное население дореволюционного Узбекистана было почти сплошь неграмотным. В 1914 г. на территории современного Узбекистана насчитывалось всего 160 школ, где обучалось 17 тыс. детей, в основном из имущих классов³.

Ликвидация такого тяжелого наследия феодально-колониального прошлого, как культурная отсталость, была непременным условием успешного развертывания социалистических преобразований в крае.

Первостепенное значение имело строительство новой, советской системы народного образования.

¹ И. Кадыров. Успехи народного образования в Узбекской ССР за 40 лет, Ташкент, 1957, стр. 11.

² Ш. Ш. Абдуллаев. Из истории развития культуры народов Узбекистана, Ташкент, 1960, стр. 4.

³ С. Раджабов. Из истории строительства советской школы в Узбекистане, Ташкент, 1957, стр. 11.

В исключительно сложных условиях гражданской войны, иностранной интервенции, экономической разрухи уже в первые годы существования молодой Туркестанской республики были достигнуты значительные успехи в строительстве советской школы. К началу 1919/20 учебного года только в Ферганской области ТАССР функционировало 350 советских школ⁴.

Большое внимание уделялось развитию женского образования как важному фактору раскрепощения женщин местных национальностей. Только в Кокандском уезде Ферганской области в 1919 г. в женских школах обучалось более 270 узбечек и около 130 киргизок⁵.

Первыми преподавателями женских школ Ферганской области были Салихахон Мухамеджанова, Мукаррама Кадырова, Гульсум Копаева, Фатыма Бурнашева, Зебиниса Раззакова, Зайнаб Садриддинова, Майрам Шарипова, Ойшахон Уразаева и др.

Подготовка национальных педагогических кадров была одной из важнейших проблем развития советского народного образования. В. И. Ленин в речи на Всероссийском совещании политпросветов (1920 г.) говорил: «Теперь мы должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты»⁶.

Эта задача была особенно актуальной в условиях Узбекистана, где численность педагогических кадров была весьма незначительной и к тому же они не имели должной подготовки. Массовая подготовка учителей в Узбекистане, в том числе в Ферганской области, велась по трем линиям: а) через учительские курсы, б) путем организации повседневной работы вокруг опорной школы (в городских) и в) путем самообразования.

Краткосрочные курсы были основной формой повышения квалификации сельского учителя. Они помогали учителю овладеть педагогическим мастерством, ознакомиться с методами работы по самообразованию. Такие курсы открывались в краевых, областных и уездных центрах. Например, летом 1918 г. начали функционировать курсы по подготовке учителей из местных национальностей в Коканде⁷, в июле 1919 г. — в Скобелеве (ныне Фергана)⁸. В 1918—1919 гг. краткосрочные курсы прошли 383 учителя Ферганской области⁹.

Кроме того, многие юноши и девушки были отправлены на учебу в центральные вузы страны, где получили соответствующую подготовку. Так, из Ферганской области в 1920—1924 г. было отправлено в Москву и Петроград 16 человек¹⁰. Среди них были Куддус Рашидов, Мухитдин Сабиров, Алим Аминов, Рахманкул Юсупов, Ядгар Шакиров, Ислам Назиров, Умуржон Хамидов и др.¹¹

Подготовка педагогических кадров получает еще более широкий размах после образования в 1924 г. Узбекской ССР. По всей республике начали открываться средние педагогические училища (педтехникумы), институты просвещения (инпросы), учительские и педагогические институты.

Один из первых педтехникумов был открыт в Коканде в 1920 г. Техникумом руководил один из первых советских учителей, впоследствии академик АН УзССР Т. Н. Кары-Ниязов. В 1924 г. состоялся первый выпуск в количестве 13 человек, среди которых были Ф. Шамсуддинов, Т. Захидов, Ю. Ташпулатов, Р. Отажонов¹² и др.

Подготовка педагогических кадров приобретает особенно значительные масштабы в годы первых пятилеток. В 1930 г. на базе педагогического техникума был создан Ферганский педагогический институт. В 1930/31 учебном году там обучалось 433 студента, из них рабочих 17%, батраков — 13%, колхозников — 52%. Около 64% студентов были представителями коренной национальности¹³.

Первоначально институт назывался агро-педагогическим и имел следующие отделения (факультеты): физико-техническое, химико-биологическое, языка и литературы, историко-экономическое, агрономическое.

Первым директором Института был профессор А. М. Красноусов. Профессорско-преподавательский коллектив состоял из 22 человек. Среди первых профессоров пед-

⁴ История Узбекской ССР. Том третий, Ташкент, 1967, стр. 238—239.

⁵ Там же, стр. 239.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 403.

⁷ Партархив Ферганского ОК КПУз, ф. III, оп. 1, д. 25, л. 6.

⁸ Ферганский облгосархив, Библиотечный инв. № 223, л. 181.

⁹ Там же, л. 182.

¹⁰ Там же, ф. 121, оп. 2, д. 334, л. 20.

¹¹ Там же, л. 21.

¹² Ныне Ф. Шамсуддинов — инженер-ирригатор, первый секретарь Ферганского обкома КПУз, Т. Захидов — академик АН УзССР, Ю. Ташпулатов — доктор химических наук, Р. Отажонов — кандидат физико-математических наук.

¹³ Правда Востока, 22 мая 1931 г.

института были Е. Е. Сиротин — заведующий кафедрой физики, С. В. Аверинцев — заведующий кафедрой биологии, В. М. Чистяков — заведующий кафедрой русского языка и литературы, А. В. Ланков — заведующий кафедрой математики и методики математики. Кафедрой педагогики заведовал С. В. Петриченко. С 1930 г. в Институте работал в качестве ассистента А. Ф. Колосов, ставший в 1940 г. директором ФерГПИ. Первый выпуск института в количестве 54 человек состоялся в 1934 г.

Партия и правительство проявляли неустанную заботу об учителе. «Народный учитель», — говорил В. И. Ленин, — должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе»¹⁴.

Согласно решению ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе»¹⁵, снабжение учителей продуктами и промтоварами проводилось в городах и промышленных районах через прикрепление к открытым рабочим распределителям и столовым по нормам промышленных рабочих, в колхозах — продовольственными продуктами из фондов колхозов по нормам промышленных рабочих данного района, а там, где еще не было колхозов, — из фондов централизованного снабжения по тем же нормам.

Много внимания уделялось повышению квалификации учителей. В основу этой работы была положена директива ЦК ВКП(б) от 21 февраля 1931 г. о том, что вся масса учителей, имеющих среднее педагогическое образование, должна пройти высшую педагогическую школу.

В 1933 г. Наркомпрос УзССР составил проект «Положения о системе повышения квалификации учительства УзССР», предусматривавшего разные категории обучения учителей. Первая категория — учителя, не имевшие начального образования; вторая — имевшие законченное начальное и незаконченное семилетнее образование; третья — имевшие семилетнее и незаконченное среднее образование; четвертая — имевшие законченное среднее педагогическое образование; пятая — имевшие незаконченное высшее и высшее педагогическое образование; шестая категория — учителя, имевшие среднее и высшее педагогическое образование.

Для каждой категории были установлены конкретные сроки повышения квалификации. Учителя школ I и II ступени, не имевшие законченного семилетнего образования, к ноябрю 1937 г. должны были окончить семилетку, а к 1 июня 1940 г. — полный курс педагогического техникума. Имевшие же семилетнее образование к 1 июня 1937 г. должны были окончить полный курс педагогического техникума, а остальные получить законченное педагогическое образование.

Были установлены следующие формы повышения квалификации: первая — вечернее педагогическое образование; вторая — курсовое педагогическое образование; третья — заочное педагогическое образование; четвертая — самообразование и индивидуально-групповая работа; пятая — специфические формы методической помощи в процессе работы. Повышению квалификации учителей способствовали также педагогические советы, кружки, лекции, доклады, методические объединения и т. д.

В целом по Узбекистану за 1924—1940 гг. высшие педагогические учебные заведения выпустили 7924 педагогические техникумы — 7723 учителя; педагогические курсы за этот период окончили 44,5 тыс., а вечерние и заочные учебные заведения и курсы — 3,5 тыс. человек¹⁶. Только в Ферганской области в 1939 г. работало 5585 преподавателей¹⁷.

Своей самоотверженной работой советские учителя внесли огромный вклад не только в развитие народного образования, но и в решение других задач культурной революции, в общее дело борьбы за победу социализма, а ныне многотысячная армия советского учительства активно участвует в строительстве коммунизма в нашей стране.

О. Охунджанов

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 365.

¹⁵ КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов, М., 1968, стр. 357—358.

¹⁶ С. Раджабов. Указ. соч., стр. 61.

¹⁷ Узбекистан за 15 лет. Статистический сборник, Ташкент, 1939, стр. 84.

О ВТОРОМ КАРАВАННОМ ПУТИ ИЗ СОГДА В ШАШ

В В. Бартольд, уделявший большое внимание исторической географии, в своем известном труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»¹ подверг специальному рассмотрению караванные пути, проходившие через Среднюю Азию и игравшие значительную роль в развитии ее экономики. К числу крупных транзитных караванных

¹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963.

маршрутов относились, в частности, пути, проходившие из Согда в Шаш и далее на восток.

По сообщениям арабоязычных авторов IX—X вв. (Кудаме, Истахри, Макдиси и др.), Согд и Шаш в средневековую эпоху соединяли (через Урчушану) два основных караванных пути. Один из них шел из Джизака к устью Чирчика и далее вдоль его берега к столице Шаша — г. Бинкет. Города, находившиеся вдоль этого пути, за небольшим исключением, отождествлены².

Гораздо хуже изучен второй путь, проходивший через Хаваст. Согласно Кудаме, на пути из Хаваста караваны достигали Сырдарьи в 4 фарсахх выше Бенакета. Из Бенакета шли через находившийся в 1 фарсахе от него Харашкет, затем, также в 1 фарсахе, лежал Худайинкет. От последнего караваны шли к Чирчику, которого достигали у Чиначекета, стоявшего в 4 фарсахх от Бенакета и в 2 фарсахх от Сырдарьи. Далее второй путь соединялся с первым. На втором пути в пределах Шаша были локализованы два пункта — Бенакет, лежавший в устье современного Ангрена, и Харашкет, отождествленный с городищем Канка на протоке Карасу³. В 1967 и 1970 г. этот путь был полностью прослежен отрядом Института истории и археологии АН УзССР⁴.

Место переправы через Сырдарью обнаружено в 30 км южнее Шахрухи. Выше этого пункта река разливается на большую территорию. Здесь и поныне сохранились обширные площади древних разливов реки, называемые «колан сыр».

Ниже этого пункта река делает излучину, сильно подмывая восточный берег, а затем вновь расширяется. И только в этом месте она сохраняет при сравнительно узком русле спокойное прямое течение. Подходы удобны с обеих сторон, дно частично галечниковое, частично из плотной, каменеющей при высыхании глины. Рядом с древней переправой, метрах в ста выше, и ныне функционирует паром.

В беспокойное время феодальных усобиц переправа должна была охраняться. Действительно, в 300 м ниже нее к восточному берегу Сырдарьи примыкает гряда холмов. Монументальных укреплений на ней не встречено, но среди валлообразных холмов обнаружены скопления кухонной и краснолощеной посуды. Отсюда открывается удобный обзор за переправой.

В 1—1,2 км к в.-с.-в. от этого пункта выявлено стационарное укрепление. Расположено оно на продолжении той же гряды холмов северо-восточного простирания и состоит из возвышения (замка или цитадели) в юго-западном углу и поселения. Поселение, примыкавшее с северо-востока, возможно, некогда было также защищено валами. Пониженная территория вокруг легко простреливалась из крепости. Не исключено, что именно здесь располагался гарнизон охраны переправы.

Собранный материал представлен каменной зернотеркой миндалевидной формы, курантом, обломками жженого кирпича и разновременной керамикой. Преобладают сосуды ручной лепки, изредка с правкой на гончарном круге медленного вращения. Это — котлы, горшки, украшенные потеками черной и красно-коричневой краски, хумы с невыделенной горювиной, также иногда окрашенной, обломки жаровен. Интересны высокая ножка курильницы и фрагмент овальной крышки, вероятно от оссуария. Изделия характерны для раннефеодальной поры (VI—VIII вв. н. э.).

Вместе с тем встречено несколько экземпляров посуды, изготовленных на гончарном круге быстрого вращения и характерных для X—XII вв. Один фрагмент принадлежит сосуду XIV в. с характерной черной росписью под синеватой стекловидной глазурью.

Таким образом, комплекс находок охватывает с VI до XIV вв. Однако основная масса его относится к VI—VIII вв. Вероятно, в этот период раннефеодальных усобиц охрана переправы была особенно необходима. В дальнейшем пункт обживается более слабо и в основном не на крепостном холме, а на поселении. Следовательно, необходимость в усиленной обороне переправы в IX—X вв. отпадает. Факт этот не случаен. Он совпадает с упадком оборонительных сооружений ряда городов на данном пути и служит свидетельством определенной централизации и безопасности торговых связей в Саманидском государстве.

От переправы путь шел вниз по Сырдарье, где в 4 фарсахх стоял Бенакет. В то же время археологически прослеживается не зафиксированный источниками путь, который ответвлялся на восток по берегу Гиджигена, древнего русла Ангрена. Вдоль него нами зафиксирована серия укреплений, замков и довольно крупный раннесред-

² Н. Ф. Петровский Древние арабские дорожки по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Извлеч. из соч. Sprenger. Die Post und Rieserouten des Orients. Пособие для разыскания древних путей и местностей, Ташкент, 1894; В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 227—228; Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1935, стр. 7—12.

³ Историю изучения этих памятников см. ниже.

⁴ В состав отряда, помимо автора, входили н. с. Д. Г. Зильпер, Р. Садыков и шофер П. И. Ляшко.

невековый город (тепа в совхозе им. Мичурина). Последний расположен в 7 км (примерно в 1 фарсахе) от Сырдарьи, прямо на берегу Гиджигена. Это мощная крепость пятиугольной формы размером 400×300 м. Ядром ее служит выходящая к берегу реки сердцевидная в плане цитадель (высота — 21 м, стороны по верхней площадке — от 75 до 120 м). В юго-восточном ее фазе поднимается сооружение замкового типа. Положение его не случайно. С востока вдоль цитадели видны следы входа в крепость, который требовал усиленной обороны. С юго-востока намечается пандусовидный подъем в цитадель.

Второй, (вероятно, более поздний) вход в крепость проходил вдоль западного фаса цитадели. Дорога здесь пересекает весь город в северо-восточном направлении, где видны следы третьих ворот.

С трех сторон цитадель окружали массивы обжитых площадей, также защищенные оборонительными стенами. Восточная группа отдельных крупных всхолмлений кварталов и башен объединена с цитаделью в единую оборонительную систему. На северо-западе вырастает более локальный большой массив сплошной жилой застройки, в северном фазе которого заметно специальное укрепление. Между этими массивами, особенно на северо-западе, лежит пониженная площадь, возможно, базарная. С востока и северо-востока от укрепления зафиксированы слабо обжитые холмы неукрепленного поселения.

Подъемный материал в цитадели и на восточных холмах представлен массой обломков лепных хумов и среднестенных сосудов, украшенных небрежными потеками черной и красно-коричневой краски и бороздками вертикального рифления. В западном квартале наряду с аналогичными находками встречен и более поздний материал — жженые кирпичи (26×13×5 см), часть керамического дастархана и чаша, покрытая зеленой глазурью, характерная для XI—XII вв. На холмах восточной округи материал относится к IX—XI вв.

В целом перед нами раннефеодалное укрепление с элементами формирующегося города. Наиболее ранним районом его следует считать цитадель и восточную часть укреплений с юго-восточным входом. Позднее под стенами цитадели на северо-западной равнине начинает вырастать большой жилой массив, постепенно вливающийся в организм единого города. Он обносится стеной, а для защиты его с севера возводится специальное укрепление, придавшее городу пятиугольную форму. Слабо обжитой пригород намечается и на востоке. Но затем (вероятно, в VIII в.) развитие города неожиданно прекращается, и жизнь продолжается довольно слабо лишь в западном секторе и в восточном пригороде, где встречается материал до XI—XII вв.

От этого пункта древний караванный путь прослеживается нитью укреплений, тянувшейся на северо-восток вдоль древнего русла Ангрена. В 3 км восточнее города отмечены руины трех небольших укреплений на левом берегу Гиджигена. Далее путь вновь переходит на правый берег, где в 1 км от упомянутых тепа также сохранились руины крепости или караван-сарая. Затем по тому же берегу зафиксированы тепа (на удалении 3, 8, 10, 14 км), подводящие к средневековому Самсирку (городище в сел. Бука). Отсюда через Коштепа, Культепа, Курганчу путь шел к ремесленно-металлургическому пункту — Туккету, а от него в столицу Илака — Тункет.

Как видно, целью этого ответвления было подключение к крупным караванным путям рудных районов и городов Илака, включая его столицу. Интересно отметить, что материал памятников вдоль этого пути говорит о функционировании его по крайней мере с поры раннего феодализма, когда Илак составлял самостоятельное владение.

Но вернемся к главному тракту. Как отмечалось выше, от переправы он вел к Бенакету. Это был довольно крупный торгово-ремесленный центр. Из товаров, вывозимых из Бенакета, достойны упоминания прекрасные туркестанские ткани⁵. Вблизи базара находилась соборная мечеть. По данным Макдис, Бенакет не имел оборонительных стен, хотя население его отличалось воинственным духом.

Во время монгольского нашествия Чингизхан направил на Бенакет пятитысячный отряд воинов. Гарнизон города сдался после трехдневной обороны, и Бенакет был разрушен. Он был вновь восстановлен при Тимуре, назвавшем город Шахрухия по имени своего сына. Это была важная крепость на Сырдарье, неоднократно упоминавшаяся при походах Тимура и Улугбека и в междоусобицах Тимуридов. При узбекских ханах она обычно была местопребыванием наследников Ташкентского улуда.

Руины Шахрухия в конце XIX в. осмотрел Е. Т. Смирнов⁶, а в 1905—1913 гг. их неоднократно осматривали члены ТКЛА в связи с поступлением сообщений о размытые городища Сырдарьи и смыве интересных предметов и даже бумажных свитков⁷.

⁵ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 295.

⁶ Е. Т. Смирнов. Древности в окрестностях г. Ташкента. Средняя Азия. Научно-литературный сборник статей по Средней Азии, Ташкент, 1896, стр. 134.

⁷ Туркестанские ведомости, 1905, № 54, 66; ПТКЛА, год 1, 1 апреля 1896, Ташкент, 1896, стр. 24; год 12, Ташкент, 1908, стр. 35; Отчет о поездке в Шахрухию и местность Канака, ТКЛА, год XVIII (ошибочно 17), Ташкент, 1913; И. А. Кастанье.

Не подвергавшийся стационарному научному исследованию памятник ко времени нашего осмотра был уничтожен Сырдарьей. Сохранилась незначительная северо-восточная часть крепости с четко выраженным валом стены высотой до 10 м и длиной до 100 м, а за его пределами — ров шириной 10—12 м. В северо-восточном фазе — ворота, фланкированные башнями. В разрезе, образованном рекой, видны остатки строений из мелкоформатного сырцового кирпича и хумы с четко выраженной горловиной. Не исключено, что раннее ядро города уже полностью уничтожено рекой.

В 0,5 км севернее Шахрухи расположена еще одна небольшая крепость, квадратная в плане, со стороной 150 м. Высота стен до 3 м, ширина по основанию — до 12 м. В каждой стороне по 6 башен. Стены сплошные, без внутрестенных коридоров, сложены из сырцового кирпича (40×20×12 см). Находятся внутри крепости отсутствуют. Если принять во внимание слабый оплыв стен и сохранение ее в довольно плотно населенной долине Анграна до настоящего времени, крепость можно отнести к последним столетиям, возможно, ко времени узбекских ханов.

Неслучайно описываемый нами путь не идет через нее, а от Бенакета поворачивает к востоку. Здесь, в 3,5 км от Бенакета, выявлены руины небольшого городка, называемого жителями Усамантепа. Городище подпрямоугольной формы (270×180 м) имеет ворота в юго-западном фазе стены. В северо-восточном углу, за искусственным ровом, поднимается небольшая цитадель высотой до 10 м с диаметром основания до 50 м. Рельеф городка расчленен, в середине его — обширный (100×120 м) водоем, в центре которого возвышается полуостров (50×60), соединенный с остальной частью городка нешироким перешейком на востоке. Не исключено, что полуостров этот более позднего происхождения.

Материал городища представлен целиком неглазурованной керамикой — лепными котлами, горшками с напелом-рожками, ручками с надрезом. В цитадели найдены куски керамического шлака. В целом материал памятника характерен для V—VIII вв.

В 200 и 400 м к с.-с.-в. от него видны два тепа, в 2,5 км находится третье. В 3—3,5 км, на северо-восточной окраине сел. Эльташгала, на правом берегу протока Карасу, поднимаются руины памятника, носящего название Кырджангитена (варианты Кыркчанги и Кызджанги). Первый осмотр его со съемкой плана провел в 1934 г. М. Е. Массон, отметивший обилие материала двух периодов — VI—VIII и XII—XIII вв.⁸

Организирующим центром городища служит слегка вытянутый с востока на запад холм высотой до 16 м, окруженный более пониженной площадью также крепостного типа с вездом с севера. Они отделены от остальной территории ровом и протоком. Вокруг них возмолжления обжитой территории, вытянутые с запада на восток на 215 м, с севера на юг — до 350 м. Общая площадь памятника около 12 га. Это уже либо поселение городского типа, либо небольшой городок. Хотя четких оборонительных стен по микрорельефу не видно, но вся обжитая территория приподнята на 5—6 м. В северо-восточном секторе рабада — большой водоем (70×45 м). Форма его овальная, вода подходила с северной стороны.

Собранный нами материал укладывается в рамки VI—XI вв. Ранний материал представлен венчиками лепных горшков и хумов с невыделенной горловиной. Наряду с ним найдены сосуды, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения, чаши с бесцветной глазурью по белому фону, украшенные эпиграфическим и растительным орнаментом. В большом количестве попадаются обломки стеклянных сосудов — флаконов, стаканов, бутылей из желтоватого и зеленоватого пузырчатого стекла.

Основная мощность культурных наслоений приходится на VI—VIII вв. Перед нами типичный небольшой раннефеодальный городок, формировавшийся путем разрастания укрепленного поселения вокруг мощного феодального замка. Однако в VIII—IX вв., возможно в период борьбы с арабами, либо несколько позже, в период интенсивного развития Харашкета, рост городка прекращается. Слои X—XI вв. относительно невелики, материалы же более позднего времени нами не встречены. М. Е. Массон отмечены находки XII—XIII вв.⁹ Вероятно, в этот период здесь было уже сельское поселение. С XIII в. жизнь на поселении прекращается окончательно.

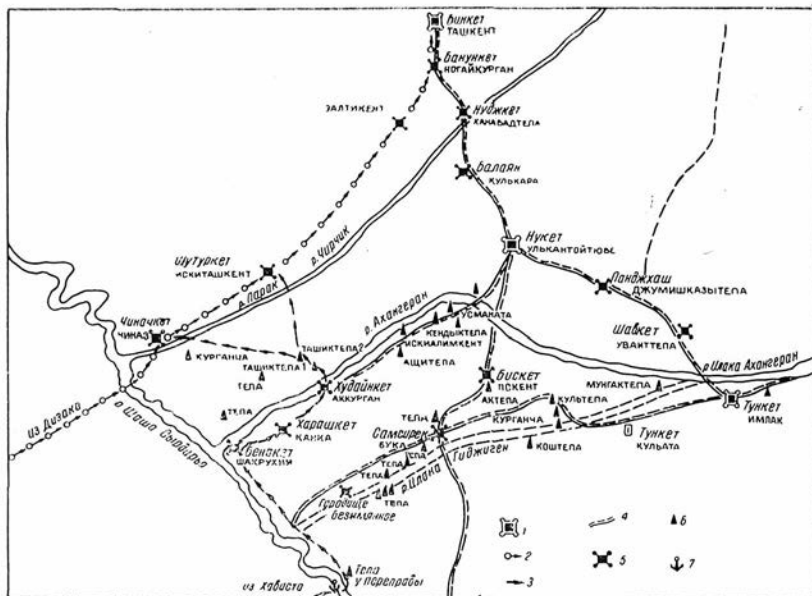
Таким образом, между Бенакетом и Харашкетом на расстоянии 8—9 км в раннефеодальную пору располагались цепочка укреплений и городок, выполнявшие в какой-то мере охраняющие функции. В последующее время часть их замирает в связи с ростом больших городов, часть остается в качестве селений.

В 3 км к юго-востоку от Кырджангитена высатся руины Харашкета, известные у местных жителей под названием Канка. Первые сведения о памятнике сообщил ху-

Современные успехи спелеологов и мои спелеологические поездки по Туркестану 1913 и 1914 гг., Известия Туркестанского отдела РГО, т. XI, вып. 2, ч. II, Ташкент, 1915, стр. 16.

⁸ М. Е. М а с с о н. Ахангеран. Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1958, стр. 105.

⁹ Там же, стр. 105.

Караванные пути из Согда в Шаш.

Условные обозначения: 1—столичные города; 2—первый караванный путь; 3—второй караванный путь; 4—местные торговые пути; 5—города; 6—сезонные; 7—местные переправы.

дожник В. В. Верещагин¹⁰. Упоминал его среди древностей Ташкентской округи Е. Т. Смирнов, сделавший в 1897 г. попытки небольших раскопок¹¹. Впоследствии Канка служила объектом неоднократных специальных и попутных осмотров членами ТКЛД. Детальное исследование со съемкой плана, сбором легенд и материалов, проведенное в 1934 г., позволило М. Е. Массону отождествить его с Харашкетом, вторым по величине после Бинкета городом Шаша¹².

Далее путь вдоль русла одного из протоков Чирчика, ныне занятого Ангренем, вел к Худайнкету. Этот город выявлен нами на окраине сел. Аккурган. Городище Аккурган вытянуто с востока на запад почти на 700 м, с юга на север — до 450 м. Структурно оно состоит из нескольких частей.

На западе расположена округлая в плане цитадель диаметром по верхней площадке около 80 м. Над окружающей территорией она подымается на 20 м, круто обрываясь на север и юго-запад. С юго-востока отделенная глубоким рвом лежит территория шахристана-I площадью около 3 га. Их соединял широкий пандус в юго-западной части шахристана.

Ров восьмиметровой ширины отделяет от этой площадки на востоке более пониженную территорию, названную нами шахристан-II. Площадь его также около 3 га.

С востока, юга и отчасти с запада город был окружен обширными обжитыми пригородными районами, площадь которых ныне частично занята полями.

Цитадель города ныне занята архитектурно-скульптурной композицией, посвященной памяти героев Аккургана, погибших в годы Великой Отечественной войны. При ее сооружении строителями в юго-западной части цитадели был сделан разрез, обнаживший культурный слой мощностью до 15 м. Среди зольников и архитектурных остатков разреза нами собран материал с IV по начало XIII в. н. э. Особенно значительны наслоения VI—VII вв., включающие как остатки монументальной сырцово-кирпичной архитектуры, так и массу материала.

В центре цитадели строителями были заложены два котлована. В одном мы расчистили остатки средневекового погребения (ориентированного головой к северу, лицом на запад) и жженые кирпичи (20×20×4; 32×16×4; 35×20×5 см). Во втором котловане расчищена стена из жженого кирпича (33×17×3,5 см). Керамический материал котлованов относится к X—XII вв.

Вдоль западного и северного фаса цитадели строителями проложен серпантин дорожки. Вдоль него в разрезах нами собрана керамика в основном VI—VII и X—XII вв. Первая группа представлена венчиками лепных котлов и обломком широкогорлого кувшина с вертикальной ручкой, украшенной кольцевыми вдавлениями. Вторая состоит в основном из венчиков хумов с высокой горловиной и орнаментом в виде кольцевых вдавлений, а также сосудов, покрытых белой и зеленой глазурью.

На шахристане-I найдены керамические шлаки, остатки плохо сохранившейся гончарной печи, обломки посуды, украшенной полосами черной краски, часть жаровни, зернотерка с курантом и фрагменты глазурованной посуды X—XII вв.

Подземный материал шахристана-II представлен венчиками хумов двух типов — валикообразными с низкой горловиной и отогнутыми с высокой горловиной. Первые характерны для VI—VII, вторые — для X—XII вв. Кроме них, найдены широкогорлые горшки, сосуд с врезным треугольным орнаментом, зернотерка миндалевидной формы.

В рабаде встречена неполновинная и глазурованная посуда, носик светильника белого цвета с зелеными разводами, доще стеклянного сосуда, а в западном секторе — керамические шлаки. Застройка здесь, судя по микрорельефу, более редкая, чем в шахристане, культурные слои незначительны. Это была лишь отчасти ремесленная, а в основном сельскохозяйственная территория, сливавшаяся с сельской округой.

Таким образом, наиболее ранний материал относится к середине I тыс. н. э. В VI—VII вв. здесь функционирует укрепление, ядром которого стала мощная цитадель, возведенная на естественном всхолмлении. У ее подножья вырастает городок — шахристан-I. К западу и юго-востоку от него развивается ремесленная и земледельческая округа. Наиболее густо обжитая часть ее в IX—X вв. также перерастает в городскую территорию (шахристан-II), обнесенную специальным валом и отделенную от шахристана-I широким рвом.

Как отмечалось выше, топографическое исследование района приводит нас к мысли, что памятник соответствует описанному средневековыми авторами Худайнкету, небольшому городку на прослеживаемом нами торговом пути. Он находился в 1 фарсах от Харашкета и в 3 фарсах от Штуркета, лежащего на правом берегу Чирчика. Расстояние между последними по прямой — 17 км, а по пути вдоль средневековых памятников — не менее 23 км.

Основная нить караванного пути, по описаниям авторов, от Худайнкета вела к Чинаккету (город на правобережье Чирчика в 2 фарсах от устья Чирчика и в 4 —

¹⁰ В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания, СПб., 1883, стр. 49.

¹¹ Е. Т. Смирнов. Указ. статья, стр. 134. Подробно историю изучения Канки см.: М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 105—106.

¹² Там же, стр. 114.

от Бенакета). Она намечается серией древних тепа (Тешиктепа-1, Тешиктепа-2, Курганча и др.).

Однако археологическое изучение показывает, что здесь проходили пути, не зафиксированные древними источниками. Один из них соединял Худайнкет с Шутуркетом, а второй вел на северо-восток по руслу древнего протока Чирчика, к средневековому Нукету. Вдоль него располагалась серия поселений и замков — Ащитела, Исканалимент, Кендыктепа¹³, Усманата, Дагинтепа и др. Этот путь также играл большую роль в экономике Илака, но по сравнению с крупными караванными трактами он был мелким локальным ответвлением, почему и не упомянут средневековыми географами.

В целом археологические наблюдения позволяют сделать следующие выводы. Описанный путь из Согда в Шаш, несомненно, функционировал по крайней мере с VI—VII вв. н. э. Вдоль него вырастает серия замков, караван-сараяв, городков. Появление их было вызвано как экономическими, так и стратегическими причинами. В последующее время часть их хиреет, а часть остается в виде селений. Одним из факторов функционирования данного пути было подключение к основной караванной магистрали рудной области Илак, бывшей в раннефеодалную пору самостоятельным владением, а затем областью Шаша. Этому способствовали и боковые ответвления пути, не зафиксированные источниками.

Ю. Ф. Буряков

¹³ Памятник изучался в 1960 г. В. А. Нильсеном и Т. Агзамходжаевым. См.: В. А. Ш и ш к и н. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г., в кн.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, 1960, стр. 14—15.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИНЪЮНКТИВА В ДОКУМЕНТАХ С ГОРЫ МУГ

Глагольная система согдийского языка в основном характерна для средненеирских языков, переживавших процесс перехода от древних флективных форм к аналитическим. Однако согдийский язык еще сохранял флективные формы, отражавшие древнеиранские типы образований. К таким глагольным формам можно отнести формы инъюнктива, структурно близко примыкающего к имперфекту в согдийском языке, отличающегося от него отсутствием аргумента у приставочных глаголов. Открытие форм инъюнктива в согдийском языке В. Б. Хеннингом и определение их места в системе согдийского глагола И. Гершевичем¹ во многом облегчили понимание грамматических фактов согдийского языка.

Формы инъюнктива представлены и в древнеиранских языках — авестийском и древнеперсидском. В Авесте в значении инъюнктива употреблялись формы со вторичными окончаниями — имперфект, аорист, плюсквамперфект, но без аргумента. По употреблению формы инъюнктива в Авесте порой трудно отличить от субъюнктива и опатива; ср., например, *darsama* (1 л. м. ч. конъюнктива), *jatumata* (1 л. м. ч. опатива наст. вр.) и *nahma* (1 л. м. ч. инъюнктива) — эти формы в тексте употреблены параллельно в значениях: «да узрим мы (тебя), да будем мы ходить (вокруг тебя), да будем мы следовать (тебе)»².

В древнеперсидском языке засвидетельствовано употребление инъюнктива только в запретительных или негативных пожелательных конструкциях (с негативным *ta*), приближающихся по значению к опативу, субъюнктиву и императиву; формы инъюнктива и в древнеперсидском языке отличаются от имперфекта отсутствием аргумента: *ta tarsam* «да не боюсь я» (DPe IV, 2), *ta aragaudaya* «(да) не скрывай» (ДВ IV, 54); *ta avagada* «не покидай, не оставляй» (Д-Накширустем, 60); *ta stabaya* «не восставай» (там же); *ta yadaaya* «пусть не покажется (тебе)» (Д-Накширустем а. 58; Д-Накширустем б. 53)³.

Среди средненеирских языков, помимо согдийского, инъюнктив отмечен В. Б. Хеннингом и в хорезмийском, причем здесь употребление инъюнктива ограничено отрицательными конструкциями с частицей *fa*. При этом инъюнктив обозначает обычно простое прошедшее действие, без модальных оттенков пожелания, запрещения, например: *nyf'd h'gyd* «он ничего не сказал» (Муq. 923); *m'sd 'y n'n'm 'wd f' 'y ny m'rskwnd* *ny 's'r* «Такой-то пришел, а другие люди не пришли» (Муq. 307⁴). В этих примерах

¹ См. J. Gershevitch. A. Grammar of Manichean Sogdian, Oxford, 1954, § 688 (в дальнейшем сокращенно GMS).

² См. С. Н. Соколов. Язык Авесты, М., 1964, § 139.

³ R. G. Kent. Old Persian Grammar, Texts, Lexicon, New Haven, 1953, p. 90, 284.

формы инфинитива $h\dot{s}'yud$, $'s't$ отличаются отсутствием аугмента. (Имперфект имел бы вид $h\dot{s}'yud$, $m's't$).

Инфинитив в согдийском языке употреблялся очень редко. Так, например, в GMS отмечены инфинитивные формы от следующих основ: $'y'z-$ «начинать» — $'y'zw$ (TSP 6, 77); $wm't-$ «быть» (супплетивная основа прошедшего времени к основе $l'ah-$ «быть») — $wm't'w$ — инфинитив I л. е. д. ч. «стала бы» («Ст. письма» III, 24); $wm't'u$ (TSP 214, 7) — 3 л. е. д. ч.

И. Гершевич отмечает, что эти формы от $wm't$ «быть» несколько напоминают форму «ирреального II» с окончанием $-w$ для I л. е. д. ч., $-u$ для 3 л. е. д. ч.⁵ Можно полагать, что «ирреальное II» в согдийском языке образовалось по аналогии с инфинитивом (особенно в I л. е. д. ч.). В этом, возможно, сыграла роль сходность грамматических значений обеих глагольных форм. Относительно флексии $-u$ в 3 Sg. также можно предположить, что она перенесена из сферы опатива-имперфекта⁶: $tbrw$ «я бы дал» (ST 161, 11, 15 — от основы $tbr-$ «давать»).

В согдийских памятниках, кроме приведенных И. Гершевичем форм инфинитива, можно отметить следующие формы инфинитива: $w'c'w$ «дабы я отослал» (TSP 5, 80); $nm'w$ «я бы отказалась» («Старые письма», I, 6) — хотя контекст не очень ясен (HRZYm $pt\dot{s}k'w't$ 'rt [$'j'n$] 'HRZY $m'w$ 'st $prnxwnt$ ZY (6) 'xšny'nt 'HRZY 'ZW L $nm'w$ 'pš'yr't L' $nm'w$ $pt'y/xw't$).

В 1933 г. в замке на горе Муг был найден архив правителей Согда конца VII — начала VIII в. н. э. Архив содержит 81 рукописный документ, среди которых много хозяйственных записей, личных писем, юридических документов, отражающих хозяйственно-бытовую жизнь и политическую обстановку в центральной области Согдианы той эпохи — долине Зарафшана. Документы архива сейчас уже почти полностью опубликованы и собраны в трех выпусках, подготовленных к изданию А. А. Фрейманом⁸, В. А. Лившицем⁹, М. Н. Боголюбовым и О. И. Смирновой¹⁰. Исследования этих памятников давно уже показали, что они имеют большое значение не только как источник по истории Средней Азии той эпохи, но и для изучения грамматического строя согдийского языка.

В согдийских документах, наряду с другими своеобразными глагольными формами, засвидетельствованы формы инфинитива от основ $'skw-$ «прибавить» — $'skw'w$ «чтобы я находила» (A-17, 2); $\beta'š-$ «давать», «распределять» — $\beta'w$ «я бы распределил» (B-15, 11)¹¹, $L nm'w$ wyt «я не соглашусь» (или: «я бы не согласился») «увидеть» (B-18, 17); $nšty'w$ «я бы приказывал» (A-18, 22)¹²; $pt\dot{s}kwyw$ «я бы обратился (?)» (B-15, 5).

Инфинитив буд. времени: $\beta'ryšw k'm$ «я бы прислал» (I, I 8); $'y'w k'm$ («я бы пришел» (B-10 R 6).

Такое частое, в сравнении с другими согдийскими памятниками, употребление форм I л. е. д. ч. инфинитива в мугских текстах объясняется, несомненно, стилистико-грамматическими особенностями писем и документов, в которых особенно часто выступают различные модальные оттенки. Формы инфинитива в мугских письмах выступают для выражения пожелания с реальным или ирреальным оттенком: $rtm y \beta' w'n'kw$ [$ryz't$, $skwn$ ZY pr $'s'n'h$ tw $n'nt$ $'skw'w$ — «И, господин, мне хочется, чтобы осенью я была (находясь») рядом с тобой» (A-17, 1—2); $rt y'zw w'n'kw \beta'ryšw$ ZK $'w\beta$ ZY $trts$ [r] $'w$ «И я бы так распределил — государю и тебе по одной» (B-15, 10—11); $rt\dot{k} w'n'kw$ $pt'yw's'n$ ZKw $pwstkw$ ZY $\beta'ryy$ $rt y$ «быс "st $rt y$ mnt 'zw 'zw'n' $rtty$ ZKw

⁵ См. W. B. Henning, *Mitteliranisch—Handbuch der Orientalistik, Abt. I, Bd. IV. Iranistik, Erste Abschnitt, Linguistik, Leiden—Köln, 1958, SS. 118—120.*

⁶ GMS, § 688, ср. также § 822.

⁷ Ср. GMS, § 821, о происхождении флексии $-u$.

⁸ Ср. W. B. Henning, *The Date of the Ancient Sogdian Letters, BSOAS, Vol. XII, Pt. 3—4, 1948, p. 607, n2. O glagole nm-(nam-) в согдийском см. E. Benveniste. Le verbe iranien dans le sogdian, BSOAS, Vol. XXX, Pt. 2, 1957, pp. 505—511.*

⁹ А. А. Фрейман. Согдийские документы с горы Муг, вып. I — Описание, публикации и исследование документов с горы Муг, М., 1962.

¹⁰ В. А. Лившиц. Согдийские документы с горы Муг, вып. II — Юридические документы и письма — чтение, перевод и комментарии, М., 1962 (в дальнейшем сокращенно СДГМ II).

¹¹ М. Н. Боголюбов, О. И. Смирнова. Согдийские документы с горы Муг, вып. III — Хозяйственные документы — чтение, перевод и комментарии, М., 1963 (в дальнейшем СДГМ III).

¹² СДГМ III, стр. 79 — издатели читают $p\dot{s}y'w$, определяя форму как I л. е. ч. имперфекта от $p\dot{s}w$ «слушать».

¹³ В СДГМ III форма $nšty'w$ определяется как имперфект (см. СДГМ III, стр. 21, 124); ср. СДГМ II, стр. 136, 205, где форма определена как инфинитив.

ryth L' nm'w wyt „И если я так услышу, что ты отнес это письмо или что-либо взял, то пока я буду жив, я не соглашусь увидеть твою рожу“ (В-18, 17); rty ky w'nk w nšty'w ɔ̃ɔ'nk w ɔ̃ɔ'r' rty L' ɔ̃ɔ'ry — „Тем (людям), относительно которых я (бы?) так приказывал: „Выдай (им) зерно!“ — ты им не выдаешь“ (А-18, R2-3); [rty (?)] pts'r cw 'zw t'ɔ̃'k s'r pr ɣwɔ̃w 'sp's 'z'wt ZY ptškwyw rtɔ̃' pr ɔ̃'ɣu z'wɣ 'ny'z'nk L' 'krtw ɔ̃'rm — „А то, с чем (бы?) я к тебе обратился относительно трудностей (?) служения государю, то, господин, благодаря твоей („господина“) помощи я не уклонился (?)“ (В-15, 5-6).

Формы инфюнктива будущего времени обозначают намерение (реальное или ирреальное): rtkɔ̃ pts'r kw t'ɔ̃'k s'r m'yɔ̃ pwstkw L ɔ̃'ryšt'yw c'nk w ZY kw t'm'k s'r ɔ̃'ryšt w ɔ̃'rt y rty 'zw m'yɔ̃ pwstkw 'kw t'ɔ̃'k s'r ɔ̃'ryšt w k'm — „И если бы затем он (Деваштич) это письмо тебе не послал, тогда как он мне его послал, то я это письмо тебе пришлю“ (1-1, 6-8); pt'wšt ɔ̃'rm ZK ɣwɔ̃ ZY (?) ptymt (?) [ɔ̃'rt rt] ɔ̃'ɣu [wɣu] ɔ̃ 'y'w k'm ... я услышал, что ты („государь“) завершил (?), то, господин, я бы тотчас пришел“ (В-10, R6).

Как видно, формы инфюнктива в мутских документах и письмах выступают довольно часто и дополняют систему форм неизъявительных наклонений, составляя порою грамматическую синонимию с такими формами, как субъюнктив и опатив.

М. М. Исхаков

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

К ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Известно, что еще задолго до присоединения Средней Азии к России царское правительство в своей внешней политике по отношению к узбекским ханствам стремилось не только к развитию торговых и посольских связей, но и к установлению своего влияния на их территории. С этой целью на протяжении длительного времени через различные каналы (посольские миссии, купеческие караваны, показания пленных и др.) собирались самые разнообразные данные о социально-экономическом и политическом положении узбекских ханств. Среди них большой интерес представляют материалы о Хивинском ханстве, составленные оренбургским генерал-губернатором в 1838 г., т. е. перед военным походом Перовского на Хиву.

Материалы эти, обнаруженные нами в ЦГИА СССР¹, основаны на сведениях русских людей, длительное время проживавших в ханстве. Они охватывают почти все стороны жизни Хивинского ханства того времени и содержат ценные данные по следующим разделам: река Амударья, ее протоки и каналы, леса, качество земли и направление скота ее, острова, климат, произведения природы, способ увлажнения полей, характер заселения в Хивинском ханстве, племена, населяющие его, проведение новых каналов, садоводство и лесоводство, судоходство, мастерство и ремесла, разделение народа по состояниям и правам, численность населения, доходы хана, войско, правление, степень образованности населения и т. д.

Документ открывается описанием территории ханства. По свидетельству самого хана, границы Хивы простирались: «По р. Сыр-Дарье, до пределов Кокандского владения, откуда на урочище Кабакзы, лежащее на р. Аму, почти на середине пути между Хивой и Бухарой, куда ездит и Хивинский разъезд, человек из 40 состоящий, отсюда на г. Мерей, в коем находится хивинский гарнизон, человек из 500; отсюда до восточного берега Каспийского моря и до р. Эмбы. Из племен, кочующих на всем этом пространстве, некоторые совершенно подвластны хану, другие находятся только под его влиянием». Отсюда видно, что к этому времени территория ханства значительно расширилась.

В документе приводятся сведения о размерах наиболее крупных протоков Аму (Арна и Сували) и каналов (Палван, Шават, Газават, Ермыш, Клыч-бай, Гурлян, Янги, Инак, Майхор, Ельтезар).

Кроме них, на левом берегу Амударьи видны были следы старого течения — между каналами Газават и Шават и между каналами Ермыш и Клыч-бай. Первая старица называлась местными жителями Доудан, вторая Куня-Дарья-Лык, или собственно старое русло реки. Оба русла направлялись на запад, к Каспийскому морю, и состояли из непрерывной цепи значительных по величине «ямин», содержавших мелкий и тонкий песок; следы этих русел находились ниже горизонта, и во время паводка жители спускали сюда излишнюю воду из смежных каналов. Кроме того, против местечка Порсы, близ вершины протока Доудан, где была устроена так называемая Ханская плотина, имелась широкая лощина, куда иногда прорывалась вода. Лощина эта, достигнув леса, разделялась на несколько ветвей, которые доходили до Куня-Ургенча, где, вновь соединившись под именем Шаркарука, впадали в Куня-Дарья-Лык. По всей вероятности, эта лощина была некогда рукавом старого русла Аму. Недостаток воды в нем привел в свое время в полный упадок Куня-Ургенча.

Значительный интерес представляют сведения об организации работ по проведению и расчистке каналов. Вот что говорится по этому поводу: «Как по свойству тамошнего климата и земли, урожай более всего зависит от достаточного увлажнения полей, то копанье и расчистка каналов, посредством коих проводится вода из Аму-Дарьи на все поля, составляет одну из главнейших работ жителей, занимающихся земледелием; эта работа поглощает большую часть их деятельности. Для подчистки,

¹ ЦГИА СССР, ф. 28, оп. 4, д. 568, л. 1—60.

углубления и расширения ханских или главных каналов, а также и для копания новых ежегодно выселяются в начале весны собранные со всего ханства рабочие, по одному с каждого дома или котла, платящего подать и имеющего землю; рабочие разделяются, смотря по числу работ, на несколько частей и очередей. Каждая очередь обязана отбыть на работе 15 дней. В это время работают с необыкновенной деятельностью. Начальники работ или есаулы задают на каждую сотню уроки; замеченных в лености или отставших в работе наказывают жестоко; были примеры, что забивали их палками до смерти. Чтобы избавиться от тяжелой работы этой, некоторые нанимают вместо себя работников и платят по 2, по 3, иногда даже по 15 руб. за день. Работа идет весьма успешно. Хивинец в день может вырыть при глинистой почве около двух кубических сажень земли. Кроме особенного напряжения сил, сноровки и привычки к этой работе с малолетства, здесь много способствует успеху хорошее устройство хивинского заступа».

Как видно, ирригационная повинность ложилась тяжелым бременем на плечи трудящихся.

Весьма ценны сведения о возделывании сельскохозяйственных культур, их урожайности, специализации местностей по производству отдельных сельскохозяйственных культур. Например, пшеница выращивалась в районе от местечка Питяк до г. Шават. Ее высевали от 3 до 5 пудов на танап и в хороший год получали до 60 пудов с танапа; землю увлажняли два раза в лето. Пшеница посевалась в конце июня, а после нее иногда сеяли дыни, просо, джугару, но джугара при этом шла только на сено.

Джугару высевали в середине мая в районе от Шавата до Кунграда, ее посевы поливали 4—6 раз за лето. Поэтому под джугару обычно отводились площади, удобные для орошения. Семена джугары употреблялись в пищу людям, а также шли на корм лошадям. Ее высевали от 6 до 10 фунтов на танап, а собирали семян до 100 пудов и более, стеблей — 250—400 пудов. Стебли шли на корм скоту. Землю под джугару удобряли навозом до и после посева; после внесения навоза землю бросили.

Поскольку рис является водолюбивой культурой, под его посевы отводили низменные места. Высевали его от 3 до 4 пудов на танап, а получали 40—50 пудов и более.

Куинжут высевали обычно в количестве 5 фунтов на танап, а собирали до 10 пудов семян. Из пуда семян выходило $\frac{1}{2}$ пуда масла; жмых употреблялся на корм скоту. Куинжут не требует большого количества воды, поэтому его возделывали в менее обеспеченных водой районах — Асарисе, Ходжейли, Кунграде, Ташаузе, Ильялли, Газавате, Мангите, а особенно в Гурляне.

Посевы хлопчатника размещались главным образом в Гурляне, Новом Ургече, Хиве, Ханках, Газавате. Хлопок высевали в конце апреля — начале мая. Землю перед посевом удобряли навозом. На сухих землях поливы проводили трижды в лето: 1) при посеве; 2) когда хлопок поднимался на четверть; 3) когда он вырастал на пол-аршина. На более влажных землях полив проводили один раз — в начале посева. Созревал хлопок в конце августа — начале сентября; его собирали руками, а стебли оставляли на поле или использовали как топливо. Урожай неочищенного хлопка составлял 15—25 пудов с танапа. При очистке получалось 4—5 пудов волокна и 7—10 пудов семян. На посев же шло около пуда семян на танап. Из семян получали масло, употреблявшееся для освещения; жмых шел на корм скоту.

В различных районах ханства культивировали также маш, просо, ячмень. Сеяли и лен, семена которого обычно шли на масло, а стебли выбрасывались. Из семян конопил также получали масло, а из стеблей выделяли веревки. Выращивался в небольших количествах мак, из головок которого получали опиум.

Повсюду сеяли клевер, употреблявшийся на корм скоту. Рос он очень густо. Эта многолетняя культура высевалась один раз в пять лет и более. Клевер высевали в количестве 6—10 фунтов на танап, скашивали его 3—5 раз за лето, собирая с танапа в общей сложности до 500 пудов. Сеяли здесь также чигин — род мелкого проса, употреблявшийся на корм скоту.

В ханстве культивировали также руян (марену), из корня которого получали красную краску, употреблявшуюся для крашения шерстяных и хлопчатобумажных тканей. Марену сеяли в любое время года, преимущественно в июне. После посева землю часто поливали и ежегодно удобряли навозом. Через три года марена посевалась, тогда корни ее выкапывали, сушили, толкли, просевали и варили в котлах. В этой воде мочили хлопок и шерсть, примешивая квасцы, чтобы ткани не линяли.

Из огородных культур сеяли: дыни, арбузы, огурцы, тыквы, стручковый перец, лук, чеснок, редьку, морковь, свеклу, репу, табак. Позднее начали разводить картофель и капусту.

Лугов в Хиве почти не было. На корм скоту обычно скашивали камыш, зелень солодкового корня, в большом количестве растущего по каналам и низменностям; скот выпасал также на межах и между нациями, а осенью на полях, с которых уже убран хлеб.

Из фруктовых деревьев выращивали шелковицу, яблоню, сливы, вишни, финики, персики, урюк. Большие площади занимали виноградники. Из нефруктовых деревьев

здесь росли тополь, вяз, ветла, караман (род вяза), употреблявшийся для выделки колес, нарван (род дуба). В лесах, кроме того, росли дикие финики, саксаул и различные кустарники.

Разнообразен был и животный мир ханства. Здесь в большом количестве водились дикие кабаны, сайгаки, барсы, шакалы, зайцы, лисицы, волки и др. Из домашних животных отмечены одnogорбые и двугорбые верблюды, лошади, ослы, крупный рогатый скот, овцы козы. Из птиц упомянуты дикие гуси, лебеди, журавли, утки, те-терева, воробьи, соловьи, жаворонки.

Заслуживает внимания раздел «Мастерство и ремесло», где описаны различные отрасли кустарной промышленности, способы производства отдельных сельскохозяйственных орудий. Наибольшее предпочтение отдается сохе, шабечник которой изготовлялся из чугуна или железа. Поскольку каменистых и шабеччатых почв почти не было, то чугунные сошники по сравнению с железными имели то преимущество, что от работы не загибались, а напротив, делались острее.

Соха состояла из дышла, к которому приделывали рассоху. Для большей крепости ее связывали поперечиной и на рассоху надевали сошник. Пару быков запрягали в ярмо, которое прикрепляли к дышлу посредством гужа и гвоздя, вдеваемого в одну из дырочек. Если хотели пахать мелко, то гвоздь вдевали в ближнюю дырочку, а для глубокой вспашки — дальнюю. При этом давление и упор ярма приходились больше всего на шею и бока быков, и потому ярмо под шей «запиралось» только веревкой. Пахали сначала мелко, верхка на полтора, а потом постепенно доходили до $\frac{1}{4}$ аршина. Одной сохой и парой хороших быков можно было за сутки два раза вспахать, засеять, пророборонить двумя боровами 1 танал земли.

Хивинские серпы были почти такой же величины, что и русские, но прямые, лишь несколько загнутые с конца.

В материалах отмечается, что «мануфактурной и фабричной промышленности в Хивинском ханстве в большом виде нет. хивинцы обрабатывают хлопчатую бумагу, шелк и проч. произведения свои каждый у себя дома, по одиночке, только для домашнего употребления и для продажи по мелочам. Закупка хлопчатой бумаги производится преимущественно жителями Н. Ургенча и Хивы, а ими уже доставляется в Россию».

Обработка хлопка производилась следующим образом: собрав головки с поля, женщины очищали волокно от шелухи руками, потом сушили его на солнце 3 или 4 недели, а если хлопок спелый, то менее недели; потом очищали волокно от семян, пропуская через два валика специальной машины. Валики посредством рукоятки и зубчатых колес, находившихся в концах валиков, приводились в круговое вращение, противоположное друг другу, от чего хлопковое волокно протягивалось между ними, а семена выпадали. Потом волокно пряли на прялке, где веретено приводилось в круговое вращение ручным колесом посредством шнурка. Очисткой, прядением хлопкового волокна и изготовлением из него простых материй занимались женщины, что входило в круг их домашних занятий.

Ремесла были развиты главным образом в городах. Основными ремеслами были оружейное, кузнечное, литейное и др. Хивинцы изготовляли ружья, сабли, пики и проч. Наиболее славнились два оружейных мастера — один из них жил в Н. Ургенче, другой — в Хазараспе.

Кузнецы изготовляли различные железные и стальные изделия — бритвы, ножи, ножицы, серпы, заступы, втулки для колес, пилы, топоры, мотыги и др. Заступы были двух родов: железные и чугуно-железные. Первые делались таким же образом, как и в России, а чугуно-железные изготовлялись иначе. Из глины, смешанной с песком, делали горн, а в нем — яму глубиной и шириной в пол-аршина. С боку ямы находилось отверстие, куда вставлялись два меха. В яму накладывали угли, кусочки железа и чугуна, причем чугуна несколько больше. Железо и чугун плавилась вместе. Когда металл совершенно расплавлялся его черпали железными ковшами и выливали на выровненный песок, образуя желаемую фигуру. Когда металл остывал, из него выковыривали необходимые предметы. Для подобных работ в качестве топлива употреблялся саксаул.

В таком же горне из чугуна отливали сошники, причем в Куинграде к чугуну добавляли небольшое количество меди для уменьшения хрупкости изделий. Заднюю часть сошника делали более толстой и полкой внутри для того, чтобы сошник можно было одеть на соху. Сошник либо оттачивали на мельничных жерновах, либо волокни запряженную соху для заточки по твердой дороге.

Горшечную посуду и кирпич обжигали травой янтак. Посуду делали большую, очень хорошего качества, наводя на нее поливу разных цветов. В горшечную глину примешивали пух от камыша или куги, вероятно, для того, чтобы глина отличалась большей вязкостью и была удобна при выделке сосудов большой величины.

Среди хивинских ремесленников наш документ упоминает также плотников, ткачей, сапожников, портных, кожевников, войлочников, мастеров золотых и серебряных дел.

Весьма интересны сведения источника о походах хана, порядке налогообложения, размерах налогов, взимаемых как с коренных жителей ханства, так и с покоренных кочевников. Хивинский хан имел следующие источники доходов: «1. Подушный оклад со всех оседлых свободных хивинцев, исключая хождей, воиска и поселившихся туземцев. Оклад сей разделяется на 3 разряда: самые богатые платят с котла или дома по 3 золотых (на наши деньги около 45 руб.), среднего состояния по 2 золотых, а бедные по 1 золотому. Подать эту собирает сановник Хивинский Куш-Беги, от него же зависит и распределение народа в разряде. Для раскладки податей сих бываюи переписи, через каждые 6 или 7 лет. Они производятся следующим образом: Куш-Беги, объезжая ханство, требует окружных старшин и мулл. Муллы под присягою показывают, сколько у каждого из них в приходе домов или семейств и какое их состояние. Куш-Беги поверяет их показания, записывает, распределяет по классам, и потом уже, сообразно с этими показаниями, и собираются подати. В случае смерти отца семейства, иногда подать с него слагается. По уверению казака Маслова, платящих по 3 золотых можно положить на половину, по 2 золотых $\frac{1}{2}$, а остальные по 1 золотому; приняв сей расчет, получим со 120 000 котлов, платящих подать, 280 000 тилла, или 4 200 000 руб. подушного оклада. Подать сия для хивинцев весьма обременительна, в особенности от злоупотребления чиновников, на коих возложен сбор податей. Каракалпаки и кочующие возле Хивы киргизы (казахи.— Х. Э.) платят подать со скота: с барана по 25 коп., с головы рогатого скота по 75 коп., с лошади же и верблюда подати не платят. Если кто не имеет денег, то платит скотом по оценке. Кочующие туркмены платят подать скотом, с сорока голов одну. 2. Доходы с ханской земли: почти около половины пахотной земли в Хивинском владении принадлежит хану, землю сию хан отдает частью чиновникам вместо жалованья, частью распахивает собственными своими невольниками, частью же отдает в наймы, смотря по доброте, с третьей, четвертой и пятой части урожая; доход этот весьма значителен. 3. Пошлина с каждого верблюда, проходящего со выюком через Хивинское ханство в Россию, Персию и Бухарию, или идущего из Хивы, вообще по 1 золотому с верблюда, со входящих же в Хиву сороковую долю товаров. Сверх того, со всех товаров на торжах и базарах собирается пошлина, за продажу верблюда платится в казну по 3 руб., с лошади, вола и коровы по 1 руб., с барана по 50 коп., с невольника по 15 руб., и сверх того, из приведенных пленный десятый, а иногда и пятый принадлежит хану. 4. За вырубку ханского мелкого леса с воза по 1 руб. Все сии подати вообще подвержены их мнениям и зависят от произвола ханского. Туркмены, каракалпаки и освобожденные рабы, поселившиеся на земле хивинской, первые два или три года освобождены от всех повинностей. 5. Указанных за преступление против хана, все имение поступает в собственность хана. 6. Гостиницы, подарки и разные насилия приносят хану также немалые доходы.

Судя по всему этому, доходы хана хивинского должны быть очень значительны, но по уверению пленных, от злоупотреблений чиновников, хан получает несравненно менее, нежели сколько собирается».

В материалах говорится также о денежном обращении и ценах на товары, что дает определенное представление о состоянии торговли в ханстве. В то время Хивинское ханство имело торговые сношения с Россией, Ираном, Бухарой и другими государствами.

Внутренняя торговля велась как сухим путем, на верблюдах и двухколесных повозках, так и водным — по Амударье и ее каналам. Предметами торговли были: рогатый скот, верблюды, лошади, бараны (преимущественно из Казахстана), хлеб, халаты, шелковые и бумажные ткани, одежда, порох, оружие, заступы и другие земледельческие орудия, двухколесные повозки, седла и конский прибор, суда, лес, уголь, поташ, соль и проч.

Эти товары частью меняли, частью продавали за деньги. Золотая монета хивинского чекана, называемая тилла, ходит, смотря по курсу, от 28 до 35 тенег; серебряная монета — таньга ходит от 35 до 50 пуль, или медных копеек, так что 1 таньга почти равна русской полтине, а тилла — 15 рублям. Курс денежного обращения беспрерывно меняется: в рассматриваемое время (1837—1838) золото и медь повысились в цене настолько, что тилла доходила до 18 руб. в расчете на серебро, а за таньгу давали не более 37 пуль.

Цены на базарах выглядели следующим образом. Верблюды продавались по цене 4—12 тилла, осли — от 5 до 30 руб., арбы или одноколки с некованными колесами — от 4 до 8 и даже до 10 тилла. Батман пшеницы продавали по 60 коп.—1 руб., джугары — от 40 до 80 коп., ячменя — от 40 до 60 коп., риса — от 2 до 3 руб., кунжута — от 2 до 4 руб., масла кунжутного — от 6 до 8 руб., проса — от 40 до 60 коп., урюка — от 3 до 4 руб. Батман неочищенного хлопка стоил 3—4 руб., а в рассматриваемое время от 2 до 3 руб.; очищенный хлопок продавался по 8—10 руб. за батман, в рассматриваемое время — от 12 до 14 руб. Пряжа стоила до 30 руб. и более, а провоз ее до Оренбурга обходился всего в 3—4 руб. Батман железа отдавали за 8—10 руб., в рассматриваемое время — от 18 до 20 руб., чугун — от 2,5 до 3 руб., в рассматриваемое время — от 6 до 8 руб. Сошники простые ценились от 1 до 1,5 руб., кунградские — до 2 руб., серны — от 50 до 75 пуль. Небольшие узкие топоры продавались за

2—3 руб., в рассматриваемое время до 6 руб.; мотыги стоили 3—3,5 руб., в рассматриваемое время — от 4 до 5 руб., заступы простые — 2 руб., в рассматриваемый период — 3 руб., чугуно-железные — от 3 до 4 руб., а в тот период — от 5 до 6,5 руб., бревно осокоревое длиной в 4 сажени — от 12 до 15 руб., другой же лес ценился дороже; деталь повозочной оси стоила 1—1,5 руб.; сапоги — от 4 до 5 руб., в рассматриваемый период — до 14 руб.; юфть продавали по 10—12 руб., а в то время — от 30 до 40 руб.; квасцы — по 50 коп. за фунт, в рассматриваемое время — по 1 руб. и более; фунт пороха стоил 1—2 руб. 50 коп.

Такая земля продавали, в зависимости от качества и месторасположения ее, по 15—500 руб. и более, ближе к Хиве и Новому Ургенчу земля ценилась дороже.

Ростовщические ссуды давались ежемесячно и с каждой тиллы брали по 1 руб. в качестве процентов.

Привлекают внимание данные об организации и состоянии военных сил в ханстве. Судя по этим сведениям, в войско большей частью записывались те, кто не мог платить податей. При этом следовало иметь надежную лошадь, которую обязательно показывали мехтеру. На лошадь накладывали тавро, после чего она считалась войсковою. Такого войска у хивинцев насчитывалось до 40 000.

Записанный в войско освобождался от платежа податей, рьятья каналов и после каждого похода получал по 5 золотых. Чиновникам, в зависимости от их заслуг и милости хана, выдавали по 10, 20, 50, 100 и более золотых, биям — 50—100 золотых, юз-баши (сотникам) — от 10 до 20. Чиновники получали жалованье обычно деньгами, простые воины — хлебом по назначенной ханом цене.

В мирное время воины жили каждый на своей земле и занимались хозяйственными работами, не получая никакого содержания.

Из числа поселившихся на землях ханства туркмен от каждых 10 домов выставлялся один воин без жалованья и продовольствия. Туркмены и киргизы, кочевавшие близ границ ханства, и каракалпаки, не платившие податей, также обязаны были во время ханских походов выставлять воинов, не получавших жалованья и продовольствия.

Выступив в поход, хан останавливался где-нибудь в степи и в течение 10—15 дней дождался сбора войска. В походе войско не получало от хана никакого довольствия, кормить и содержать себя воины обязаны были сами. Обычно два или три воина складывались и заводили верблюда, на которого навьючивали продовольственные припасы месяца на полтора и более. Воины победнее везли продовольствие на той же лошади, из которой ехали сами.

Отличившимся воинам хан выдавал из своего арсенала ружья, пули и порох. Такие воины в походе и сражениях находились возле хана, охраняя его, и направлялись в самые опасные места; их насчитывалось до 1000 человек. Прочие воины вооружались чем понало. Ружья имели очень немногие, главным оружием были копье, сабля, лук со стрелами, которыми хивинские воины владели очень искусно. Ружья и винтовки были очень тяжелые, без курков, с фитильным запалом. Стрельба велась медленно, в пешем строю, но довольно метко. Огонь вели самодельными пулями, которые отливали в глиняных формах.

Артиллерии у хана было мало — до 20 орудий малого калибра, причем только 6 из них были на лафетах и могли употребляться в походах. Орудия были плохо отлиты и стреляли неверно, а при плохом качестве пороха — на небольшое расстояние (100—150 саж.). Ядра лили чугунные, а прежде ковали железные, но не соблюдали строгой соразмерности с калибром орудия. При стрельбе ядра обматывали войлоком или тряпками и таким образом загоняли в дуло. Порох хивинцы делали сами и продавали его на базарах. Он был весьма низкого качества, но в ханстве был и порох, доставляемый из России. При каждом орудии состояло по 4 человека. Орудия в походе везли на 4, 5 и более лошадей, а порох и заряды перевозились во вьюках. Подобная артиллерия была мало эффективной и употреблялась хивинцами больше для острстки.

Примечательна характеристика административного устройства ханства: «Правление в Хиве вполне деспотическое, к смертной казни может осудить только один хан; законов письменных и точных нет; права хорошо не определены, народ управляется более преданиями и обычаями, кораном и общим мнением. Посему бывает очень много насилий и несправедливостей, лихоимство всех чиновников, от первого до последнего, вошло в постоянный обычай, да и самого хана можно подкупить значительными подарками на что угодно.

Нынешний хан сам нередко отнимает у всех подданных, без дальнейших околичностей, собственность их, например, землю, если она ему понравится, хороших аргамаков и проч., и сановники следуют этому примеру, где только могут. Народ недоволен ханом».

В источнике дается перечень некоторых административных единиц с указанием их функций. Так, вазир, или Куш-беги, давал наряды рабочим, занятым на строительных каналах, собирал подати в северной части ханства (от Кунграда до Хивы и Нового Ургенча); южнее (до г. Питняка) подати собирал другой чиновник. Мехтер раздавал жалованье, давал наряд войскам на службу и вел им счет. Меча-мехрем и его

помощник ходжа-мехрем собирали пошлины с караванов и продаваемых на базарах товаров и скота. Бии в мирное время управляли вверенными им городами и округами, по приказанию куш-беги собирали с них подати, а в военное время были равнозначны тысящикам. Казии (судьи) вместе с биями судили и решали тяжбы, во время отсутствия бия заменяли его и приводили народ к присяге. Раисы (род городничих) наблюдали за порядком в городах, за верностью весов и мер, исполнением обрядов веры. Бачманы, состоявшие в ведении меча-мехрема, собирали на базарах пошлины с живого товара. Юз-башы в военное время исполняли обязанности сотников. Есаулы следили за ходом работ на ханских каналах.

В источнике вкратце освещается и состояние образования, находившегося в руках духовенства. «Глава духовенства называется Ахун и живет в Хиве, ему подвластно низшее духовенство; ходжи, казы, раисы и муллы отправляют обряд богослужения. Училищ для воспитания детей, содержимых на казенный счет, нет, но есть школы, содержимые по обетам частными людьми, в коих муллы обучают грамоте и закону. Грамотных довольно. Судя по измерению земли тапалами и по дороговизне оной, надобно предполагать, что хивинцы имеют понятие о первых началах геометрии и что у них есть какие-нибудь землемеры. Народ весьма деятелен и трудолюбив».

В общей сложности население ханства достигало тогда 800 тыс. человек, не считая казахов и туркмен, подвластных хану.

В заключении отмечается, в частности, необходимость усиления торговых связей между Россией и Хивой, представляющих интерес для обеих сторон.

«Хивинское владение находится еще на низшей ступени образования, но земледелие, садоводство и гидротехнические работы находятся в хорошем состоянии. В быту этого народа заметны следы еще прежней кочевой жизни. Ханство постепенно усиливается, народонаселение умножается, каналы расширяются, увеличиваются в длине, вырываются новые; кочевые народы, поощрениями и льготами хана, получают охоту к оседлости и начинают селиться; влияние хана на окрестные кочевые народы распространяется. Впрочем, в нынешнем состоянии своем, Хива сильно более слабостью своих соседей и окружающими ее степями, неудобными к проходу для значительного числа войск, нежели развитием собственных способов и сил своих. Ныне в своих существенных потребностях Хива весьма много зависит от России, из сих потребностей важней всего железо и чугуи, из коих делают самые необходимые орудия, лопаты, сошники, мотыги, серпы, ружья, сабли, долота, копы и проч. Заступ служит им для кладки домов, оград, для копания каналов, для садовых работ и проч.; при тамошних тяжелых и непрерывных работах заступ становится всего на два или на 3 года; положив по одной лопатке, весом в 5 фунтов, на каждое семейство или котел (т. е. всего 160 000 заступов), получим 20 000 пуд. потребления металла на одни лопаты в каждые 2 или 3 года, а в год от 6 до 10 тысяч пуд.; сошник становится на столько же времени, вес его можно также принять, по крайней мере, в 5 фунтов и, положив тоже один сошник на семейство, получим потребление чугуна не менее 6 тыс. пуд. в год. Кроме того, железо и чугуи необходимы для разных домашних поделок, для борон, пил, для скрепления судов, для приготовления оружия и всякого рода инструментов; есть и другие припасы, не менее необходимые хивинцам и получаемые тоже из России, как-то: квасцы, купорос, юфта, идущая на обувь, уздечки и проч.; с умножением населения потребность этих материалов год от году будет увеличиваться, следовательно, будет увеличиваться и зависимость Хивы и вообще оседлых народов Средней Азии от России. Чугун и железо доселе, по крайней мере, могло быть доставляемое в Среднюю Азию только из России.

Свои же произведения, как-то: хлопчатую бумагу, бумажные изделия, разного рода плоды и проч., хивинцы могут сбывать только нам; не могут сбывать их ни в Персии, ни в Бухаре, ни Аванцам и для покупки необходимых им материалов из России нуждаются в сбыте, посему в торговом в сем отношении хивинцы в совершенной зависимости от России».

Как видно, предлагаемый вниманию читателя источник представляет большой интерес для исследователей экономической и политической истории Хивинского ханства и его взаимоотношений с Россией в первой половине XIX в., накануне присоединения Средней Азии к России.

Х. Зияев

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО АРХЕОЛОГИИ,
ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ, ФИЛОСОФИИ И ПРАВУ УЗБЕКИСТАНА,
ВЫШЕДШЕЙ В СВЕТ В 1970 ГОДУ*ЭТНОГРАФИЯ. АНТРОПОЛОГИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
И ТОПОНИМИКА

- Абдуллаев Т. Медночеканные изделия узбеков XIX—XX вв. (По материалам этнографических собраний музеев Узбекистана).— Автореферат диссертации..., Т., 1970, 32 стр., ротاپринт. изд. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
- Абдулхамидов А. Институт «пайшкан» в орошаемом хозяйстве Ферганской долины.— ОНУ, Т., 1970, № 2, стр. 68—69.
- Арипов Ф. Быт и культура металлургов (По материалам узбекского металлургического завода им. В. И. Ленина).— Т., Изд-во «Фан» УзССР, 1970, 56 стр., на узб. яз.
- Бакаева Х. Д. О золотом шитье Бухары.— ОНУ, Т., 1970, № 12, стр. 30—32.
- Бакаева Х. Д. О золотом шитье Бухары и связанных с ним терминах.— Советская тюркология, Баку, 1970, № 3, стр. 94—98, на азерб. яз.
- Башлов В. Живая старина Хорезма.— Наука и религия, М., 1970, № 1, стр. 83—85.
Рецензия на кн.: Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма, М., 1969, 336 стр.
- Бекмуратова А. Т. Быт и семья каракалпаков.— Нукус, Изд-во «Каракалпакия», 1970, 117 стр.
- Вайнберг Б. И. Археолого-этнографическое изучение памятников Хорезма XVI—XIX вв.— В кн.: «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, 1964. Труды», Том V, М., 1970, стр. 344—349.
- Винников Я. Р. Сдвиги в численности и составе населения Средней Азии.— В кн.: «Проблемы народонаселения...», М., 1970, стр. 355—361.
- Жилина А. Н. К истории формирования современного узбекского жилища (Северные районы Узбекистана).— Автореферат диссертации..., М., 1970, 32 стр., ротاپринт. изд. (Академия наук СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
- Калоев Б. А. Реч. Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969, 293 стр.— СЭ, М., 1970, № 6, стр. 155—157.
- Кармышева Б. Х. К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана.— В кн.: «Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, 1964. Труды», Том X, М., 1970, стр. 61—68.
- Крупник Жана. Вышивки Средней Азии.— Дошкольное воспитание, М., 1970, № 6, стр. 39—41.
- Махкамова С. М. Абрывые ткани Узбекистана конца XIX—XX вв.— Автореферат диссертации..., Т., 1970, 24 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Объединенный ученый совет по истории Отделения истории, языковедения и литературоведения).
- Мясина М. См. Б. Ставиский и М. Мясина...
- Ниязклычев К. Новое исследование о пережитках древних религиозных верований в Хорезме.— Известия АН Туркменской ССР, Серия общественных наук, Ашхабад, 1970, № 1, стр. 92—94.
Рецензия на кн.: Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма, М., 1969, 336 стр.

* Продолжение. Начало см. № 2 за 1972 г.

- Реджепов Р. Роль советских традиций в формировании интернациональных черт в быту сельских труженников в период строительства коммунизма. (По материалам Узбекистана).— 26-я НКППС СамГУ. Серия общественных наук, Самарканд, 1970, стр. 73—80.
- Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма.— Сборник Музея антропологии и этнографии, 26, Л., 1970, стр. 113—142.
- Соколова А. Декоративно-прикладное искусство Узбекистана.— Т., 1970, 18 стр. («Знание». В помощь лектору).
- Соколова А. Старик и дерево.— ЗВ, Т., 1970, № 6, стр. 190—194.
О резчике Ата Палванове.
- Ставиский Б. и Мясина М. Народное и прикладное искусство Средней Азии и Казахстана.— М., 1970, 20 стр., с рис. (Государственный музей искусства народов Востока. К 50-летию музея).
- Сухарева О. А. Рец., Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, 336 стр.— СЭ, М., 1970, № 1, стр. 187—189.
- Сухарева О. А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в.— Сборник Музея антропологии и этнографии, 26, Л., 1970, стр. 101—112.
- Сушанло М. Дунгане (Историко-этнографическое исследование).— Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, М., 1970, 24 стр., ротاپринт. изд. (Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
- Ташев Х. К вопросу о составе сельского населения Заравшанской долины.— В кн.: «Проблемы народонаселения...», М., 1970, стр. 374—380.
- Толстова Л. С. Пути этнического развития каракалпаков, проживающих за пределами Хорезмского оазиса.— В кн.: «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, 1964, Труды», Том X, М., 1970, стр. 69—75.
- Утемисов А. Быт и культура рыбаков побережья южного Арала (Конец XIX — 60-ые гг. XX вв.).— Автореферат диссертации..., Чимбай, 1970, 43 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории).
- Хасанов К. Национальный состав населения и образование советских республик Средней Азии.— В кн.: «Проблемы народонаселения...», М., 1970, стр. 361—363.
- Шаниязов К. Современный этнический состав и этнические процессы в Узбекской ССР.— В кн.: «Проблемы народонаселения...», М., 1970, стр. 351—355.
- Шаниязов К. Узь (Из истории родоплеменных делений узбеков).— ОНУ, Т., 1970, № 2, стр. 69—73.
- Шаниязов К. Этнический состав узбеков и консолидация их в социалистическую нацию.— В кн.: «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, 1964, Труды», Том X, М., 1970, стр. 111—116.

ИСТОРИЯ

1. История Узбекистана до Великой Октябрьской социалистической революции

- Абдуллаев В. А. и Валиходжаев Б. Н. Дыхание веков (Этюды о науке и литературе дореволюционного Самарканда).— ТСГУ, Новая серия, вып. 183, Самарканд, 1970, 190 стр.
- Абдуллаев В. А. и Валиходжаев Б. Н. Самарканд литературный.— ОНУ, Т., 1970, № 9, стр. 56—60.
- Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века, Том II.— Т., Изд-во «Фан» УзССР, 1970, 286 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни).
- Абдурахимова Н. А. Революционное движение в Туркестане после первой русской революции (1907—1916 гг.).— НТТГУ, Вып. 346. Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России, Часть 2, Т., 1970, стр. 65—86.
- Абрамов М. М. Из истории Самарканда конца XVIII — начала XIX века.— ОНУ, Т., 1970, № 9, стр. 98—100.
- Акимужкин О. Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI в. — 60-х годах XVII в.—

- Палестинский сборник. Вып. 21 (84), Ближний Восток и Иран, Л., Изд-во «Наука», 1970, стр. 233—248.
- Алиев Б. Г. и Шахсидова Р. С. О маршруте похода Тимура в 1395—1396 гг. через Дагестан.— Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, Том 20. Махачкала, 1970, стр. 221—235.
- Алимов А. Развитие торговых отношений в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.).— Автореферат диссертации..., Т., 1970, 24 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории).
- Амитов А. Русско-хивинские отношения в первой половине XIX века.— Автореферат диссертации..., Т., 1970, 16 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
- Аннапесов М. Положение хивинских туркмен до Великой Октябрьской революции.— В кн.: «Торжество ленинского кооперативного плана в Советском Туркестане», Ашхабад, 1970, стр. 38—43, на туркм. яз.
- Асанов Г. Д. К истории заселения и хозяйственного освоения северных районов Ферганской долины до Октябрьской революции.— В кн.: «Вопросы изучения и использования природы и природных ресурсов Средней Азии и сопредельных стран», Т., 1970, стр. 113—125.
- Астанова Г. Ю. Документ по истории крестьянского землевладения в Бухарском эмирате.— ОНУ, Т., 1970, № 1, стр. 42—45.
- Ахияжанов С. М. Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия.— Вестник АН Казахской ССР, Алма-Ата, 1970, № 1, стр. 45—49.
- Багдасаров В. и Богословская Е. Солдаты Туркестана — революционные борцы.— КУ, Т., 1970, № 6, стр. 91—93.
- Богословская Е. См. В. Багдасаров и Е. Богословская...,
- Божко Р. Из истории города Джизака.— МВРК МУЗ, Т., 1970, стр. 45—47.
- Брыкина Г. А. К истории земледельческого населения юго-западных предгорий Ферганы в VI—XII вв.— КСИА, 122, М., 1970, стр. 92—95.
- Валиходжаев Б. Н. См. В. А. Абдуллаев и Б. Н. Валиходжаев...,
- Гаффаров Б. Из истории отношений России с Кокандом (40—70-е годы XIX века).— ОНУ, Т., 1970, № 6, стр. 34—38, на узб. яз.
- Гаффаров Б. Экономические и политические связи России с Кокандским ханством в первой половине и 60—70 годах XIX века.— Автореферат диссертации..., Т., 1970, 49 стр., ротاپринт. изд. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
- Джалалов Р. З. К вопросу о возникновении и состоянии кожевенной промышленности в Туркестане (вторая половина XIX — начало XX вв.).— МВРК МУЗ, Т., 1970, стр. 56—59.
- Джалилов А. Из истории каракалпаков второй половины XIX — начала XX в. (По государственным документам Хивы). Исследование и текст документов с научными комментариями и указателями.— Автореферат диссертации..., Т., 1970, 50 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни).
- Кары-Ниязов Т. Н. Самарканд — центр научной мысли Мавераннахра XIV—XV ввекв.— ОНУ, Т., 1970, № 9, стр. 61—67.
- Кнопов Б. И. Ф. Энгельс о роли ирригации в странах Востока.— ОНУ, Т., 1970, № 11, стр. 81—86.
- Ковалев П. А. Начало 1917 года в Туркестане — года победы буржуазно-демократической и социалистической революции.— НТТГУ, Вып. 346. Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России, Часть 2, Т., 1970, стр. 87—125.
- Кормилицы А. И. Нелегальные библиотеки и их роль в распространении революционной литературы в Туркестане (1903—1908 гг.).— НТТГУ, Вып. 333. Труды аспирантов. Гуманитарные науки, Т., 1970, стр. 320—341.
- Кутлук М. Монгольское господство в Восточном Туркестане.— В кн.: «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970, стр. 85—99.
- Лаверычев В. Я. Московские фабриканты и среднеазиатский хлопок (Из истории развития промышленного хлопководства Средней Азии в конце XIX — начале XX вв.).— Вестник Московского государственного университета, Серия IX. История, М., 1970, № 1, стр. 53—72.
- Мукминова Р. Г. К характеристике самаркандских тканей конца XV—XVI века.— ОНУ, Т., 1970, № 9, стр. 100—102.

- Петрушевский И. П. Поход монгольских правителей в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия.— В кн.: «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970, стр. 100—133.
- Раджабов З. Туркестан на страницах большевистской прессы периода первой русской революции (1905—1907 гг.). Отв. редактор Т. Е. Беляков.— Душанбе, Изд-во «Дониш», 1970, 225 стр. (Министерство народного образования Таджикской ССР. Таджикский государственный университет им. В. И. Ленина).
- Расулов А. К характеристике землепользования в Бухарском эмирате в свете ленинского учения по аграрному вопросу.— ОНУ, Т., 1970, № 8, стр. 58—61.
- Садыков А. С. Культурные связи Хивы с Россией. (Конец XIX — начало XX вв.).— НТТГУ, Вып. 346. Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России, Часть 2, Т., 1970, стр. 44—64.
- Сандмуратов Х. С. Вопросы социально-экономической истории дореволюционной Средней Азии в трудах В. И. Ленина.— В кн.: «Всепобеждающая сила ленинских идей», Душанбе, 1970, стр. 83—94.
- Тагиев М. Раватходжинская плотина и ее значение для орошения Самаркандского оазиса.— ОНУ, Т., 1970, № 9, стр. 95—98.
- Тен К. П. Русское население Средней Азии во второй половине XIX — начале XX вв.— История СССР, М., 1970, № 4, стр. 143—153.
- Тихвинский С. Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе.— В кн.: «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970, стр. 3—21.
- Туляганова М. А. Из истории экономических отношений Ферганской области с Россией во II половине XIX в.— МВРК МУЗ, Т., 1970, стр. 52—55.
- Туляганова М. А. Торговые связи Ферганской области с Центральной Россией в начале XX века.— ОНУ, Т., 1970, № 7, стр. 49—54, на узб. яз.
- Усенбаев К. Новая работа по истории народов Средней Азии.— Коммунист Таджикистана, Душанбе, 1970, № 9, стр. 78—80.
Рецензия на кн.: З. Ш. Раджабов. Туркестан на страницах большевистской прессы периода первой русской революции (1905—1907 гг.), Душанбе, 1970, стр.
- Файзиев А. Новый документ из истории Самарканда первой четверти XIX века.— ОНУ, Т., 1970, № 7, стр. 58—59.
- Фитерман К. По следам ленинского документа.— ПЖ, Т., 1970, № 3, стр. 15—18.
«Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой» и борьба большевиков Туркестана за рабочий контроль в 1917 г.
- Хидоятов И. О характере сельского хозяйства многонациональных районов Сурхандарьинской области в дореволюционное время.— СЭ, М., 1970, № 2, стр. 133—139.
- Чабров Г. Н. Начало книгоиздательского дела в дореволюционном Туркестане.— Издательское дело. Книговедение, М., 1970, № 5, стр. 3—4.
- Чабров Г. Н. Русская прогрессивная интеллигенция дореволюционного Туркестана и влияние передовой русской культуры на коренное население Средней Азии.— НТТГУ, Вып. 346. Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России, Часть 2, Т., 1970, стр. 5—43.
- Шалекенов У. Х. К вопросу о взаимоотношениях казахских племен с оседлым и полuosедлым населением Хорезма в XVIII—XIX вв.— В кн.: «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, 1964, Труды», Том X, М., 1970, стр. 179—184.
- Шахсаидова Р. С. См. Б. Г. Алиев и Р. С. Шахсаидова...
- Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (Конец XIX — начало XX вв.). Отв. редактор акад. АН УзССР К. Е. Житов.— Т., Изд-во «Узбекистан», 1969 (1970), 256 стр.
- Юнусходжаева М. Ю. Из истории землевладения в дореволюционном Туркестане. (На материалах хозяйства князя Н. К. Романова).— Т., Изд-во «Фан» УзССР, 1970, 112 стр.

ХРОНИКА

ХАДИ ТИЛЛЯЕВИЧ ЗАРИФОВ (1905—1972)

Перестало биться сердце одного из старейших представителей науки и литературы Узбекистана, основоположника узбекской советской фольклористики, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, члена Союза писателей СССР, заведующего сектором фольклора Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, доктора филологических наук, профессора Хади Тилляевича Зарифова.

В течение почти 50 лет Х. Т. Зарифов неутомимо трудился в области собирания, систематизации и изучения материалов по фольклору и этнографии узбекского народа. В нашей республике нет области и района, где бы ни побывал Х. Т. Зарифов в поисках хранителей жемчужин устно-поэтического творчества узбекского народа. Благодаря его стараниям и при его непосредственном участии были выявлены такие крупнейшие узбекские сказители, как Эргаш Джуманбульбуль-оглы, Фазыл Юлдаш-оглы, Пулканшаир, Бала-бахши и многие другие. Х. Т. Зарифов первым из фольклористов республики ознакомился с репертуаром узбекских сказителей и сказочников, установил его ценность, сам записывал с их слов сотни крупных дастанов и частушек, тысячи пословиц, поговорок, загадок и образцов других жанров узбекского фольклора, разработал принципы транскрибирования записей фольклорных материалов и возглавлял

работу по сбору и систематизации их. Прежде всего благодаря его усилиям в ИЯЛ АН УзССР создан исключительно богатый фольклорный архив.

С 1927 г. в печати систематически публикуются труды Х. Т. Зарифова по вопросам узбекского фольклора, которые не только вводили в научный обиход новые ценные материалы, но ставили и решали ряд кардинальных проблем науки о народном творчестве. Его исследования «Послеоктябрьская устная литература узбеков», «Ленин в устной литературе», «Советский фольклор в Узбекистане», написанные в начале 30-х годов, привлекли внимание фольклористов Москвы, Ленинграда и братских рес-

публик Союза. Доклады, прочитанные Х. Т. Зарифовым в научных учреждениях Москвы, его печатные работы, в частности, статья «Послеоктябрьский песенный фольклор узбекского народа», опубликованная в 1935 г. в журнале «Литературный критик» (издававшемся под редакцией А. М. Горького), были еще тогда признаны имеющими большую научную значимость. С начала 30-х годов Х. Т. Зарифов сотрудничает с крупнейшими советскими фольклористами — академиками Б. Соколовым, Ю. Соколовым, профессорами Азадовским, В. И. Чичеревым и многими другими. В эти годы при его участии осуществляется подбор материалов для сборника «Творчество народов СССР», подготовленного под редакцией А. М. Горького.

По инициативе Х. Т. Зарифова со второй половины 30-х годов в учебные планы филологических факультетов вузов республики введен в качестве самостоятельной научной дисциплины курс узбекского фольклора. В 1934 г. им была составлена первая программа этого курса, а в 1939—1941 гг. — первая двухтомная хрестоматия по узбекскому фольклору. Х. Т. Зарифов в течение многих лет преподавал этот курс в СаГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина) и ТашГПИ им. Низами.

В годы Великой Отечественной войны Х. Т. Зарифов в содружестве с одним из крупнейших литературоведов страны, акад. В. М. Жирмуцким создал капитальный труд «Узбекский народный героический эпос», который до сих пор широко используется в специальной научной литературе, а отдельные его фрагменты переведены на ряд иностранных языков.

За последние годы под руководством и при непосредственном участии Х. Т. Зарифова выпущено 16 томов научного издания 40-томных «Образцов узбекского народного творчества», 5-томное академическое издание собрания сочинений Эргаша Джуманбульбуль-оглы и др.

Хади Тилляевич был одним из крупных знатоков дореволюционной узбекской литературы. Его исследования, посвященные творчеству Лютфи, Навои, Мукими, Фурката и других классиков узбекской литературы, послужили ценным вкладом в узбекское литературоведение. Под его редакцией изданы критические тексты поэм Алишера Навои «Изумление праведных», «Фархад и Ширин» и т. д. Как ответственный секретарь Республиканской юбилейной комиссии по проведению 500-летия и 525-летия Алишера Навои Х. Т. Зарифов вложил много труда в популяризацию творчества гениального узбекского поэта и мыслителя. Он был бессменным членом и ответственным секретарем Комитета Навои при Президиуме АН УзССР, сделал ряд докладов и сообщений на ежегодных традиционных научных сессиях этого Комитета.

Х. Т. Зарифов был одним из видных организаторов науки в Узбекистане. Он участвовал в создании Института языка и литературы им. А. С. Пушкина, Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни, Музея литературы им. Алишера Навои АН УзССР.

Х. Т. Зарифов был одним из организаторов журнала «Узбек тили ва адабиёти» и бессменным членом его редколлегии, а также членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане». В этих журналах он неоднократно выступал с научными статьями по актуальным вопросам узбекского литературоведения и фольклористики. Активное участие принимал Х. Т. Зарифов в разработке словника и написании отдельных статей для Узбекской Советской Энциклопедии.

Немало труда вложил Х. Т. Зарифов и в подготовку научных кадров по восточной филологии. Многие доктора и кандидаты наук, работающие ныне в Узбекистане, других среднеазиатских республиках, а также в Москве и Ленинграде, подготовлены под его научным руководством или при его консультациях.

Заслуги талантливого ученого высоко оценены партией и правительством. Х. Т. Зарифов был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями, а также Почетными грамотами Верховного Совета Узбекской ССР. Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки УзССР».

Светлая память о Х. Т. Зарифове — крупном ученом, неутомимом труженике и прекрасном человеке — навсегда сохранится в сердцах и делах его многочисленных соратников, друзей, учеников.

А. С. Садыков, - И. М. Муминов, С. Х. Сираждинов, С. Н. Рыжов, М. К. Нурмухамедов, О. Б. Джамалов, Ш. Ш. Шаабдурахманов, Я. Г. Гулямов, К. Е. Житов, М. Ю. Юлдашев, Р. Х. Аминова, И. А. Султанов, С. К. Камалов, С. А. Азизджанова, М. А. Ахунова, Х. С. Сулейманов, Н. С. Садыкова, С. Ибрагимов, С. Касымов, Т. Мирзаев, А. Хаджиев, П. Шамсиев, С. Муталибов, М. Афзалов, М. Алавия, З. Хусанова и др.

МУНДАРИЖА

СССРнинг 50 йиллигига

И. Ҳошимов. СССРнинг тараққий этаётган мамлакатлар билан ҳамкорлигида Ўзбекистоннинг роли	3
У. Умурзоқов. Социализм даврида ишчи кучини такрор ишлаб чиқаришнинг методологик масалалари	9
М. Биркин. Назорат инстанциясининг граждан ишларини кўриб чиқиш чегаралари	14
Н. Хўжаева. Тили психологик ўрганишга белги жиҳатдан ёйдошиш тўғрисида	22

Илмий ахборот

Ш. Ҳодиқулов. Коммунизм қурилишининг ҳозирги босқичида меҳнаткашларнинг ижодий активлигини тараққий эттириш факторлари ҳақида	27
Э. Г. Абрамян. Социалистик жамият шарсотида маданиятларнинг ўзаро таъсири проблемасига доир	29
Р. Аренберг, М. Қосимова. Балоғатга етмаганларни ҳуқуқий тарбиялашнинг баъзи масалалари	31
С. Воҳидова. Пахтачилик комплекс механизациялаш ва колхозчи деҳқонларнинг маданий-техника даражасини кўтариш	33
Г. Темиров. Самарқанд областида етти йилликда чорвадор кадрларни тайёрлаш	35
О. Охунжонов. 1917—1940 йилларда Ўзбекистонда педагогика кадрларини тайёрлаш тарихидан (Фарғона области материаллари асосида)	37
Ю. Ф. Буряков. Сўғдан Шошга борадиган иккинчи карвон йўли ҳақида	39
М. М. Исҳоқов. Муғ тоғидан топилган ҳужжатларда инъюнктивнинг феъл формалари	45

Архив саҳифаларидан

Ҳ. Зиёев. Ўзбекистоннинг XIX аср биринчи ярми тарихига доир	48
---	----

Танқид ва тақриз

1970 йилда Ўзбекистон археологияси, тарихи, этнографияси, фалсафа ва ҳуқуққа оид босилиб чиққан адабиётларининг библиографик курсаткичи	54
---	----

Хроника

Ҳоди Тиллаевич Зарифов (1905—1972)	58
--	----

СОДЕРЖАНИЕ

К 50-летию СССР

И. Хашимов. Роль Узбекистана в сотрудничестве СССР с развивающимися странами	3
У. Умурзаков. Методологические вопросы воспроизводства рабочей силы при социализме	9
М. Биркии. Пределы рассмотрения гражданского дела надзорной инстанцией.	14
И. Ходжаева. О знаковом подходе к психологическому изучению языка	22

Научные сообщения

Ш. Хадикюлов. О факторах развития творческой активности трудящихся на современном этапе строительства коммунизма	27
Э. Г. Абрамян. К проблеме взаимодействия культур в условиях социалистического общества	29
Р. Аренберг, М. Касымова. Некоторые вопросы правового воспитания несовершеннолетних	31
С. Вахидова. Комплексная механизация хлопководства и повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства	33
Г. Темиров. Подготовка кадров животноводов в Самаркандской области в годы семилетки	35
О. Охунджанов. Из истории подготовки педагогических кадров в Узбекистане в 1917—1940 годах (На материалах Ферганской области)	37
Ю. Ф. Буряков. О втором караванном пути из Согда в Шаш	39
М. М. Нехаков. Глагольные формы инфингтивна в документах с горы Муг	45

По страницам архивов

Х. Зияев. К истории Узбекистана первой половины XIX века	48
--	----

Критика и библиография

Библиографический указатель литературы по археологии, истории, этнографии, философии и праву Узбекистана, вышедшей в свет в 1970 году	51
---	----

Хроника

Хади Тилляевич Зарифов (1905—1972)	58
------------------------------------	----

Цена 40 к.

Индекс
75349